ПОКОЛЕНИЕ

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОЛОДЁЖНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (5) 2013

ГУМАНИЗМ

Есть один премилый персонаж, который, я уверена, не случайно родился в умах мультипликаторов именно сейчас. «Обожаю Германию! – кричит он. – Как там Монмартр?». Богатырский конь Юлий весь – отражение дилетантства: от имени до сущности – конь-император, конь-придворный советник, конь-библиотекарь, конь-кто угодно, только не конь-конь. Конь-всезнайка, но на деле «болтун, каких мало», конь учёный, но недоученный.

Это метафора нашей жизни, не находите? Как-то в одном из университетских споров мой однокурсник сказал совершенно справедливо: «Сейчас все очень умные стали – никому ничего не надо». Речь шла тогда о журналистике: читателю нужны факты, но совершенно безразличны комментарии, критика, аналитика. Все сами всё понимают. Или считают, что понимают. Нет времени разобраться, нет желания, да и смысла-то нет – всё понятно. Можно использовать слово «ипостась» вместо слова «грань» – а какая разница? – ведь понятно же! Но очень скоро у Бога «станет» три грани, а у проблемы три ипостаси, и мы не будем видеть разницы. Потому что нам всё понятно. Границы всех смыслов в наших безразличных головах сотрутся, и договориться о значении слов, как советовал Рене Декарт, будет просто невозможно.

В XXI веке мы супердилетанты. Мы не можем даже спорить адекватно, потому что не знаем, что значат слова, о СУТИ которых спор. Если вы не психолог, но знаете, что такое перфекционизм, подумайте хорошенько и попытайтесь вспомнить, откуда вы это знаете? Скорее всего, об этом рассказал телевизор, когда вам было лет пятнадцать. А в двадцать пять вы очень серьёзно беседуете с другом и говорите: «Да ты, голубчик, никак, перфекционист!». А теперь подумаем, на основе чего вы это ему сказали?

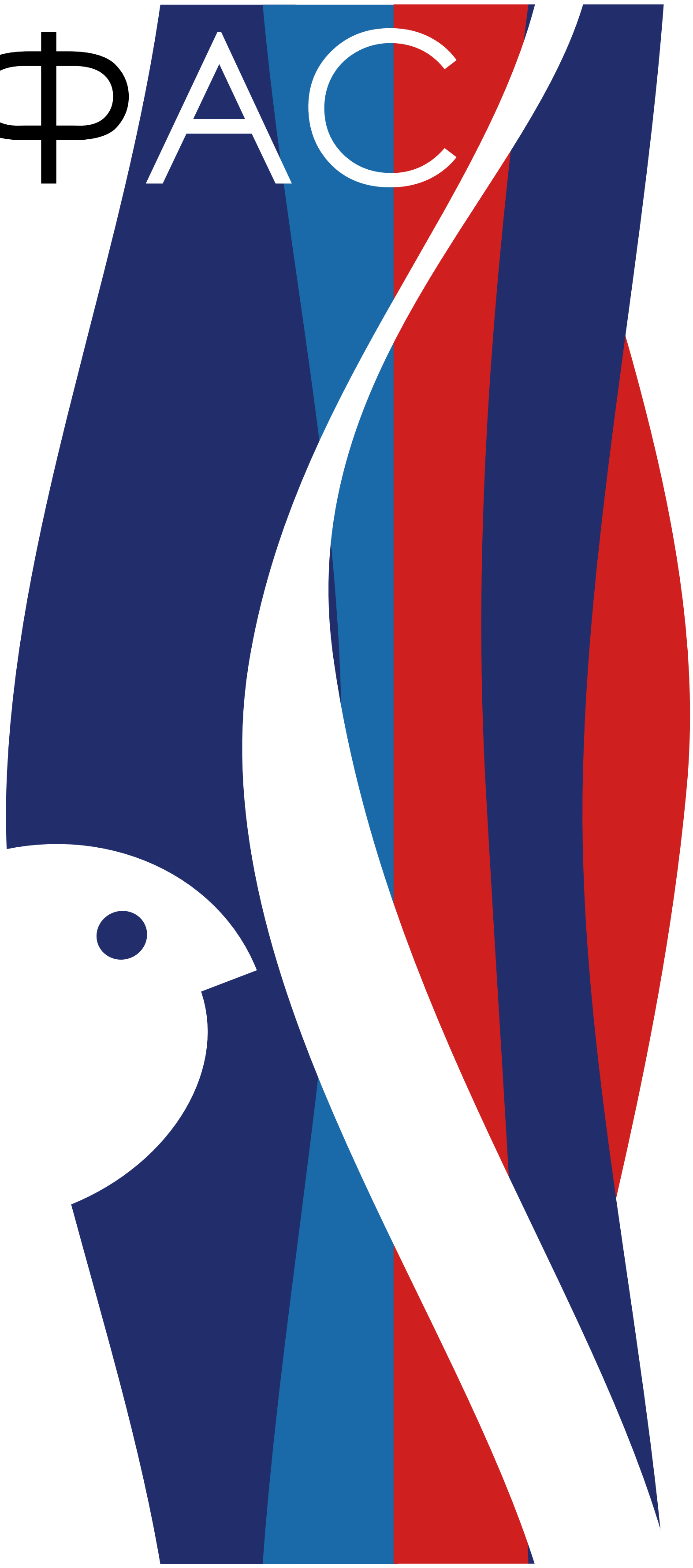
У нас всё примерно, всё приблизительно, всё «как бы». Всё имеет «какой-то» смысл и «какую-то» связь. Монмартр где-то в Европе, Германия тоже в Европе, следовательно, Монмартр в Германии. Такой становится наша логика, точнее, так постепенно мы её лишаемся.

В этой ситуации слово «гуманизм» – просто беда для нас. Есть две стандартные цепочки вроде той, которую выстроил Юлий: 1) Гуманизм – это человеколюбие, значит он хороший и 2) Гуманизм – это человекоугодие, значит, он плохой. Ну, и, конечно же, третье, самое «умное» мнение, открытое нами – поколением, которому всё понятно: в гуманизме есть ЧТО-ТО хорошее и ЧТО-ТО плохое. Поздравляю нас, господа, мы истинные дети своего примерного времени…

Не хочу, чтобы «Поколение» стало такой же телепередачей десятилетней давности, где за полчаса рассказали «всё», что мы должны знать и гуманизме. Так не бывает. Во всяком случае, я точно знаю – нам не всё понятно. Но это не значит, что мы не должны думать. Не значит, что нужно жить по принципу «не копайтесь в своём мозгу, ведь вы не патологоанатом». Напротив, открытие можно сделать, только подумав над тем, почему же яблоко так больно по вам ударило. Журнал отнюдь не источник истины, а журналисты – не совокупность всех мировых философов. И всё, что мы можем – это дать читателю, которому не «всё понятно», несколько поводов сделать собственные открытия в разных областях, включая гуманизм.

Елена Бабич
выпускающий редактор

АНФАС

Гуманизм пока ещё не наскучил мне: он мне даже нравится. Но он мне тесен.

Альбер Камю
(из записных книжек)

ЕЛЕНА БАБИЧ

ГУМАНИЗМ

КТО ПОБЕДИТ В ВОЙНЕ СМЫСЛОВ?

беседа с протоиереем Георгием Роем

Одна из самых умилительных ситуаций складывается в социальных сетях, когда множество христиан в графе «взгляды» пишет «монархические». Признаться, я такой завидной уверенностью похвастаться не могу. И не знаю, может ли абсолютно искренне ею похвастаться хоть один человек, которому сегодня меньше девяти десятков лет. Как бы то ни было, но мы воспитаны в гуманистическом обществе. И даже если бы поняли, то едва ли почувствуем, почему «монархические» будто бы лучше «демократических» иже с ними. Нам всё сложнее понять, что такое верность, послушание, долг. Если хотите, можем проверить опытно. Пушкин — светило из светил — не мог попасть за границу. Невыполнимая задача для современного человека — понять «почему нельзя». Правильно, ведь теперь, как заметил однажды Павел Лунгин, «любая учительница берёт с собой ребёнка и мужа пьющего и летит в Париж. Вы можете читать любые книги, у нас практически нет цензуры...» Правда, потом добавил: «И в то же время, жить, почему-то, гадко».

протоиерей Георгий Рой

Словом «гуманизм» сегодня пользуются все, кому не лень. По одной простой причине — у каждого заинтересованного свои представления о человеколюбии. Главное — предмет заинтересованности. Если деньги — гуманно бомбить арабов и делать ЭКО, если чужое государство — гуманно убивать младенцев в утробе, отбирать детей у родителей и устраивать гей-парады. И если я воспитан только в этом обществе, только этим обществом, и у меня нет ничего кроме этого общества, мне ни за что не почувствовать «почему нельзя». Даже если что-то во мне запротестует, то тут же подброшено будет слово «гуманизм» и ещё какие-нибудь глупые и не глупые аргументы, принимаемые мною за истину просто потому, что гуманизм – это болезнь времени. Одна из тех, которые мы не замечаем и даже считаем благом. А раз для всех гуманизм – благо, разве может это быть ложью? В перипетиях современных представлений о гуманизме пытаемся разобраться вместе с настоятелем Свято-Борисо-Глебской церкви протоиереем Георгием Роем.

Гуманизм — это в первую очередь положительный или отрицательный для вас термин?

Скорее положительный, несмотря на то, что он отягощён определённым антихристианским содержанием. Я думаю, мы христиане вполне можем интерпретировать это философское понятие в христианском ключе, или, иначе говоря, наполнить его содержанием христианским. Ведь и христианство говорит о благе человека, о его спасении, свободе, о равенстве всех людей пред Богом и Его правдой, о долге жертвенной любви к человеку.

Мне кажется, человек, рождённый и воспитанный в XX-XXI вв., попросту не может плохо относиться к гуманизму. Как вы считаете?

Да, и поэтому мы обязаны побороться за христианский смысл этого термина, за его внутреннее содержание. Гуманизм как идея любви и защиты человека, его прав, свобод и достоинств имеет глубоко христианское измерение. Мы предлагаем обществу альтернативу. Православные богословы и философы прекрасно раскрыли христианский смысл этого термина. Но, к сожалению, теперь в современной информационной войне — в войне смыслов, мы проигрываем. Для христиан XXI века очень важно сделать так, чтобы это понятие снова обрело христианское звучание. Думаю, вместо того, чтобы ругать и развенчивать взгляды современных гуманистов, лучше выбрать позицию диалога.

Но мы не поймём никогда друг друга.

Почему же? Во-первых, никогда не говори никогда. Во-вторых, Дух дышит, где хочет. Нельзя сказать, что Бог живёт только там, где купала и кресты. Бог действует и через этих людей тоже. Здесь очевидна проблема недостатка взаимной открытости: с одной стороны, представители секулярного гуманизма вычёркивают христианство, как ненужное и устаревшее, с другой — христиане, зачастую вычеркивают современный мир с его проблемами и исканиями и замыкаются на своей внутрицерковной жизни. Но ведь современный гуманизм — это не только отстаивание прав геев или ещё каких-либо меньшинств. Это и борьба с голодом в глобальном масштабе, и борьба с эпидемиями, и борьба за права человека, в конце концов. То

есть борьба с тем, что беспокоит и нас — христиан. Тогда давайте определимся с позициями: нам есть о чём поговорить. Существует множество злободневных проблем и каждый из нас может сделать что-то хорошее во имя любви к человеку, для защиты его прав и свобод, даже если мы исходим из разных предпосылок.

При этом ярые гуманисты нарочито антирелигиозны. Откуда такая христианофобия? Что по ним так ударило?

Они не обязаны быть религиозными или быть нашими друзьями. К сожалению, из-за того, что ещё со времён Ренессанса гуманизм всё же противопоставляет себя христианской традиции, у современных гуманистов есть, так сказать, естественное стремление к таким выпадам. Это, в свою очередь, нередко вызывает не менее резкое противостояние со стороны христиан. Тогда и возникает отчуждение. Но я считаю, что мы не должны спешить обижаться, и там, где это возможно, вести конструктивный диалог. Понимаю, что есть такие случаи, где христиане однозначно воспринимаются как враги, там этот диалог вряд ли получится. Но по опыту общения хочу сказать, что со многими людьми, которые придерживаются либеральных взглядов на общественное устройство, можно найти точки

соприкосновения. В том смысле, что у нас по многим острым проблемам современности мнения совпадают.

А если точка соприкосновения – повенчать геев, тогда что?

Есть целый ряд вопросов, где компромисс однозначно невозможен. Мы, как христиане апостольской традиции, никогда не примем многие позиции современного гуманизма. Это противоречит истокам нашей веры, это невозможно.

Получается разделение светской культуры и церковной.

Такое разделение было всегда и всегда останется. Церковь по природе своей отлична от мира. Да, мы имеем совершенно иное мировоззрение. Но это не значит, что мы должны отвергать возможность диалога. Мы готовы к взаимодействию, по тем направлениям, где наши взгляды на проблемы человека совпадают. Полное разделение культур было бы неправильным шагом со стороны Церкви. Святейший Патриарх Кирилл, например, понимает это и ратует за активный диалог со светским обществом. Если люди адекватны, готовы слушать наши аргументы и уважать нашу позицию, которая основана на Священном Писании, то с ними можно вести диалог. В конце концов, мы такие же граждане нашей страны, как и люди, не разделяющие религиозных взглядов, и мы не меньше их имеем право отстаивать свои взгляды и ценности. Не гуманно отвергать позицию христиан лишь за то, что она основана на христианских предпосылках. Ведь с точки зрения гуманизма, каждый имеет право на своё мнение.

Но и эти люди приведут свои аргументы и попросят выполнить их требования. Кроме того, светская культура в какой-то момент не захочет оставаться светской и попросит повенчать геев.

В любом случае, в православной Церкви этого никогда не случится. Иначе мы потеряем право называться Христовой Церковью. Сам по себе конфликт неизбежен: Церковь всегда жила в состоянии той или иной войны — идеологической или культурной. Поэтому нельзя думать, что мы оказались в исключительно новой

ситуации. Сегодня у нас одна проблема, завтра другая, но Евангелие нельзя подстраивать под прихоти человека, в какое бы время он ни жил. Наш исторический путь полон опыта мученичества и исповедничества, христианство и теперь самая гонимая в мире религия, и не исключено, что и нашему поколению или поколению наших детей придется пройти через подобные испытания.

Для Вас хоть в чём-то ценно то представление о свободе, которое несёт современный гуманизм?

Для меня понятие свободы ценно в принципе. Церковь — это не компартия, где все должны думать одинаково, здесь тоже должны быть свобода и разномыслие. Кто-то разделяет монархические взгляды, кто-то демократические, кто-то вообще аполитичен. Политика нас не должна разделять, у Чаши Христовой мы братья и сёстры. Какая политическая идея самая главная для христианина? — помнить о том, что в первую очередь мы граждане Царства Божьего, мы представляем интересы Царства Божьего в этом мире. Это моя главная политическая идея и главный политический интерес, а всё остальное второстепенно. Когда люди об этом забывают, и когда монархизмом или либерализмом заменяется Православие — вера христианская — вот это уже беда. А так если братья во Христе, монархист и демократ, облобызаются у Чаши Христовой, и политические взгляды им при этом не помешают, то проблемы никакой нет.

Тем не менее, в христианской среде считается чуть ли не хорошим тоном иметь именно монархические взгляды. А потом на это всё придёт гуманист и сделает из чьих-то взглядов христианский «догмат», который и поспешит обругать.

В таком случае это неправильный гуманист. Правильный гуманист, мне кажется, по определению демократ. А если так, значит, он должен признавать возможность разных точек зрения. Когда гуманист становится воинствующим гуманистом, и из-за своего представления о гуманизме начинает клеймить и вычеркивать из общественной жизни тех или иных людей, то это уже не гуманист, это тот же самый диктатор. Это человек, извративший суть той идеи, которой придерживается.

Ренессансный гуманизм ненавидит маленького человека. Его герой титан. Поэтому представление о гуманизме как о мировоззрении, в котором важен каждый, учёные (В. Межуев, В. Фёдорова, А. Бузгалин и др.) считают вульгарным. Как случилось так, что маленький человек в сознании современных гуманистов стал во главу угла?

А стал ли он во главу угла? Если сейчас столько говорят о маленьком человеке, это не значит, что его жизнь действительно хороша. Всё-таки капитализм в не лучших своих проявлениях и теперь правит бал. Огромные транснациональные корпорации пытаются манипулировать маленьким человеком. Он здесь становится заложником. Когда в медиапространстве маленькому человеку отдаётся главная роль, то это лишь способ манипуляции, игра, и едва ли честная. Мне кажется, сильные мира сего всё же определяют развитие общества. Недавний экономический кризис, безработица в Европе, социальные протесты свидетельствуют о том, что проблема с маленьким человеком, а не с большим — не с титанами, а именно с нами. Думаю, эту проблему признают и гуманисты. Современный гуманизм с этим не справляется.

Гуманизм — это шаг от неравенства. Нужно ли тогда полагать, что это антихристианское мировоззрение?

Почему? У нас в евхаристической общине все равны. Идея равенства — это идея христианская. В Церкви нет неравенства или его, по крайней мере, не должно быть. То, что вы обращаетесь ко мне «отец», значит, что я должен быть именно отцом, а не начальником. Это роль попечения, но мы все абсолютно равны перед Христом. Но христианский взгляд на проблему равенства заключается в том, что общество должно быть солидарным. Не должно быть так, что богатые утопают в роскоши, а бедные голодают. В такой организации общества не проявляется идея христианской любви и взаимоподдержки. Правильное общество построено на принципе любви. А сделать всех равными невозможно, потому что мы обладаем разными дарованиями, разными интересами, в конце концов, мы мужчины и женщины, мы дети и старики, люди разных народов и разных традиций. Мы не можем быть абсолютно равными, но можем жить так, чтобы слабые не пропадали. А вот идеи современного либерализма как раз таки и ставят слабых под

удар. И если представитель светского гуманизма так же оценивает это как проблему, он мой единомышленник. Мы можем вместе стать на защиту человека и его достоинства.

Вы говорите об идеальном гуманисте. Значит ли это, что может быть такое светское мировоззрение, которое в смысле добрых дел альтернативно христианскому?

Как христианин и священник, я глубоко убеждён, что истинный и самый глубокий гуманизм возможен только со Христом. Но это не значит, что те люди, которые пока Христа не нашли, сразу записываются в когорту наших врагов. Нет! Эти люди могут быть в поиске. Они могут не знать Евангелия, но поступать по-евангельски. Я уверен, что человеку, который искренне творил добро и сражался за него, Господь рано или поздно откроется, и такой человек войдёт в Царство Божье.

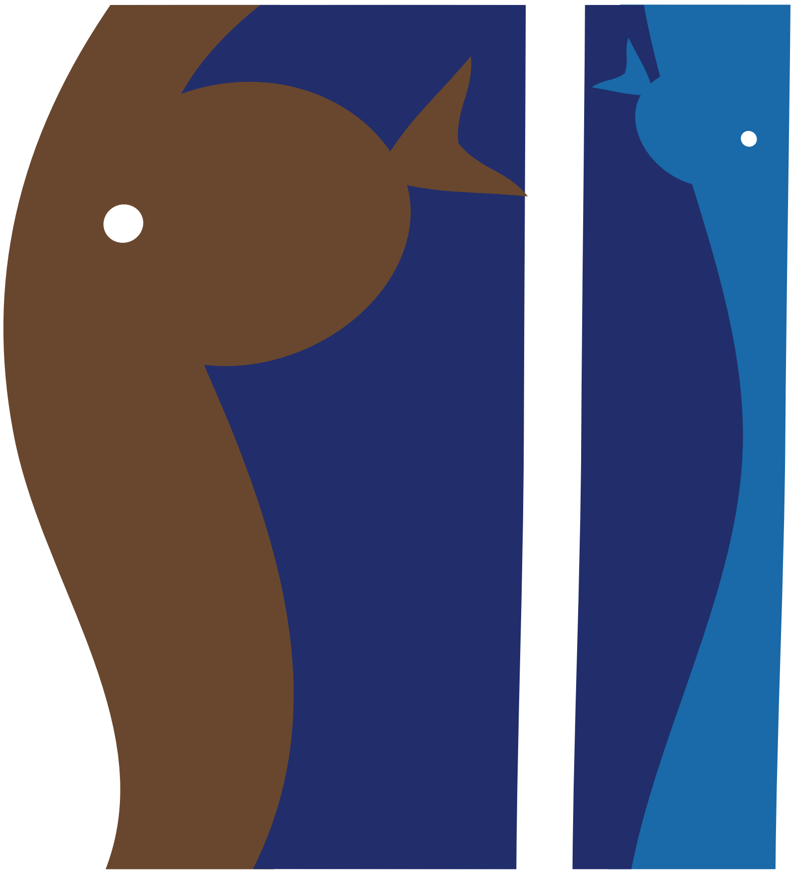
Получается, самый искренний гуманизм заходит в тупик?

Не знаю. Я живу совершенно иными принципами. Я не могу сказать, как чувствуют себя такие люди. Но мне доподлинно известно, что многие действительно заходят в тупик.

ВЕРА

Подъём человека, достижение им высоты, предполагает существование высшего, чем человек. И когда человек остаётся с самим собой, замыкается в человеческом, то он создаёт себе идолов, без которых он не может возвышаться.

Николай Александрович Бердяев «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого». Глава VIII, Человечность.

СВЯЩЕННИК СВЯТОСЛАВ ЕВТУШИК

ИКОНОГРАФИЯ СТРАШНОГО СУДА

Христианский мир, начиная с апостольских времён, ожидает наступление того самого дня, о котором говорил Спаситель: «Когда мёртвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут» (Иоан.5:25). «Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою» (Мар.13:26), «Который будет судить живых и мёртвых в явление Его и Царствие Его» (2Тим.4:1). Такое ожидание имело основанием евангельские слова Спасителя: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своём» (Матф.16:28). Апостол Павел пишет христианам Фессалоникийской Церкви, чтобы они не паниковали о Втором Пришествии: «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придёт, доколе не придёт прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели...» (2Фес.2:1-3).

Начиная примерно с X века, в христианском искусстве начинает развиваться апокалипсическая тема — Страшный Суд. Это связанно с ожиданием Второго пришествия Христа в 1000 году (царство Христа на земле). В западном искусстве такие понятия, как смерть, суд, небо и ад составляют доктрину «Четырех последних дел». Уже в XII-XIII веках сцены Страшного Суда появляются в скульптурах на фронтонах французских соборов. Этот сюжет состоит из нескольких частей. В центре размещается фигура Христа, как Судии. По обе стороны от него изображены двенадцать апостолов: «И сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Лк.22:30). Ниже — мёртвые, поднимающиеся из своих могил: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан.12:2). «Тогда отдало море мёртвых, бывших в нем, и смерть и Ад отдали мёртвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» (Откр.20:13). Далее Архангел Михаил с весами в руке, на которых он взвешивает души. По правую руку Спасителя, изображены праведники, сопровождаемые ангелами в Рай, по левую руку от Него, внизу, грешники, идущие в Ад, где они изображаются в страшных муках.

Евангельское описание Страшного Суда изложено у евангелиста Матфея и служит как бы главной литературной основой для художников, изображавших Страшный Суд. Но если бы иллюстрировался лишь этот евангельский отрывок, то данный живописный сюжет должен был бы занимать место среди притч Христа. Впрочем, на выработку концепции изображения Страшного Суда в западном искусстве влияли и другие источники, как библейские, так и небиблейские: «Апокалипсис Марии» (IX в.), который в свою очередь восходит к «Апокалипсису Павла» (конец IV в.), также более поздние, в частности «Божественная комедия» Данте.

В Византийском искусстве эта тема существовала, начиная с V-VI веков. Символическое изображение Второго пришествия и будущего Суда представлялось в виде «Престола уготованного» (Этимасия) с лежащими на нём Евангелием, Крестом и орудиями казни, свидетельствующими об искупительной жертве Спасителя. Позднее его место заняло другое изображение этого же периода — «Христос во славе», в окружении множества ангелов, символов четырёх евангелистов и двенадцати апостолов. Этот иконографический сюжет пришёл сюда из Египта, где возник уже в V веке на основе богослужебных текстов. Сначала он представлял Христа на троне в окружении мандорлы (овальная окружность, символизирующая божественное сияние, свет), и четырёх крылатых зверей, два вверху, два внизу, символизируя, таким образом, четыре стороны света. Сюжет распространился на Западе под названием Maiestas Domini (Божественное величие), где в IX-XIII веках он появляется в конках алтарных апсид. Не редко его использовали для оформления переплётов и титульных листов рукописных евангелий. С XII века он занимает место в тимпанах над главными порталами церквей в монументальной скульптуре. Популярность этого сюжета обусловлена тем, что ещё в римском богослужении с V-VI вв. от Пасхи до Пятидесятницы имело место общественное чтение Апокалипсиса. Об этом говорит семнадцатое правило Толедского Собора 633 года, где

XII в. Тимпан церкви Сен-Лазар в Отене. Франция

XII в. собор Св. Трофима Арль. Фанция

Спас в силах
Андрей Рублев
XV в.

приводится ссылка на церковные соборы о необходимости чтения Апокалипсиса за богослужением. Александрийская Церковь (Египет) и Римская Церковь принадлежали к одной и той же богословской школе, поэтому эта тема в обоих случаях имеет одни исторические корни. В XIV-XV веках на Западе эта сюжетная тема появляется уже довольно редко, в то время как в искусстве стран византийского мира Maiestas Domini с VII века практически полностью исчезает. И только в XVI веке сюжет вновь появляется в купольных росписях церквей на Афоне.

С принятием Русской Церковью в XIV-XV веках **Иерусалимского Устава** при митрополите Киприане в богослужение вошли чтения из книги пророка Иезекииля, что привело к появлению в Русской Церкви в конце XIV — начале XV веках иконографии «Спас в силах». Это изображение заметно отличается от композиции Maiestas Domini более сложной формой мандорлы (сияния) вокруг Спасителя, а также наличием колёс, которые встречаются только в ранних иконах «Видение Иезекииля». Дело в том, что в книге пророка Иезекииля описано видение пророком сидящего на престоле в человеческом облике самого Бога в окружении загадочных крылатых четырехликих животных и колёс со множеством глаз. В Иерусалимской Церкви в IX-X веках в богослужении Страстной седмицы имело место чтение из первой главы Иезекииля, где как раз и описано это видение. В Церквах, пользовавшихся **Студийским Уставом**, эта книга не употреблялась для богослужебных чтений.

В древних храмах Армении сохранились фрагменты изображений Христа, сидящего на радуге, в окружении евангельских символов и небесных сил. Такие изображения располагаются в алтарных конхах, в том месте, где обычно помещают сюжет Вознесения. Однако и само Вознесение непосредственно связано с темой Суда: «Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придёт таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян.1-11).

Как уже говорилось выше, начиная с XIV-XV веков, изображение Спаса в силах тематически расширяется, восполняя смысловые сюжеты Второго Пришествия Христова. В Евангелии Господь говорит о Своём Втором Пришествии так: «…солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлёт Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» (Мф. 24: 29-31). На иконах Страшного Суда в верхней части всегда изображают Спаса во славе. Ниже собирают людей на судилище трубящие ангелы. По обе стороны от Христа Богоматерь с Иоанном Крестителем молятся Спасителю за человеческий род, далее восседают двенадцать апостолов, которым принадлежит суд двенадцати колен Израилевых. Ниже, по центру иконы, всегда изображается Этимасия — уготованный для Судьи престол, на который положены книга (Евангелие) и орудия страстей Христовых: губка, трость, копьё, иногда вместе с багряницей. В нижней части любой иконы Страшного Суда располагаются сцены, загробной участи грешников и праведников. По правую руку Спасителя на белом или золотом фоне представлен рай: шествие праведников к вратам рая, Лоно Авраамово (место блаженного пребывания ветхозаветных

праведников), и Богоматерь, сидящая среди ангелов в райском саду. Слева от Христа помещены ужасающие картины ада, где изображаются в огненном потоке бесы и грешники. Здесь же сидит сатана с небольшой фигуркой Иуды на коленях. Место рая и место ада отделены друг от друга так называемым змеем мытарств. Голова змея расположена вверху, тело с кольцами в окружении бесов, извиваясь, проходит через центр иконы, а хвост опущен в ад. На иконах XVI-XVII веков на кольцах змея часто подписывались названия грехов, а вернее мытарств, через которые должна пройти человеческая душа. Появление в иконографии Страшного Суда змея с кольцами мытарств связано с популярностью жития Василия Нового, в котором описывались мытарства его ученицы инокини Феодоры после её смерти. На некоторых иконах Страшного Суда вместо змея или рядом с ним изображается огненная река, которая проходит через всё изображение сверху вниз. Огненная река упоминается в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», где архангел Михаил показывает Пресвятой загробную участь грешников: «И сказал архистратиг: «Пойдём, Пресвятая, я покажу тебе, где мучается множество грешников». И Святая увидела реку огненную, и словно кровь текла в той реке, которая затопила всю землю, а посреди её вод — много грешников». Внизу огненной реки, где она как бы впадает в некое озеро или тартар, изображают ад в виде пасти кита. Это кит, поглотивший пророка Иону и удерживающий его в своей утробе три дня и три ночи. (Ион.2:1). Это прообраз смерти Христа и сошествие Его в ад (Матф.12:40). Подобное изображение ада можно встретить на иконах Воскресения Христова («Сошествие во ад»). Там помимо пасти кита изображены ангелы, связывающие смерть, которая изображается в виде темного ангела или беса.

В центре иконы Страшного Суда изображён обнажённый человек, привязанный к столбу. Это изображение некоего милостивого блудника. В Прологе на 12 августа помещено «Слово о некоем блуднике, иже милостыню творя, а блуда не остася». Согласно ему, «в царствование императора Льва Исавра (VIII век) в Константинополе жил некий богатый человек, который хотя и был милосердным, раздавал щедрую милостыню, но до старости пребывал в грехе блуда. Когда он скончался, то патриарх Герман с другими епископами начал рассуждать о его посмертной судьбе, споря, будет ли дано ему Богом спасение. Патриарх приказал молиться об этом человеке во всех храмах и монастырях, прося у Бога открыть его посмертную участь. Участь блудника была открыта некоему затворнику, который по требованию патриарха рассказал о своём видении. Он всю ночь молился и увидел: «Некое место, одесную (справа) имущо рай, исполнено неизреченных благ, ошуюю (слева) же езеро огненое, егоже пламень восхождаше до облак. Между же блаженного рая и страшнаго пламене, умерший муж привязан стояше и зеле стоняше и часто к раеви взираше и горько рыдаше». На плач блудника явился ангел, который пояснил ему, что благодаря милостыне он был избавлен от адских мук, но так как не оставил прелюбодеяния, то лишён райских блаженств». По мнению иконоведа Н.В.Покровского, фигура Милостивого блудника начинает изображаться на иконах и фресках Страшного Суда в XVI-XVII веках. В этот период художников начинает привлекать не только изображение противостояния сил ада и рая, но и человек, сочетающий в себе добро и зло. Это сочетание было найдено в фигуре милостивого блудника, которую начали помещать в образе привязанного к

Страшный Суд XVIII в. (?)

Страшный Суд по фреске В. Васнецова во Владимирском соборе в Киеве

столбу юноши, находящегося на границе ада и рая. Его образ показывает промежуточное состояние между грешником и праведником, вводя в композицию Страшного Суда новую для неё оценку личности, наделённой противоречиями, а также надежду на прощения человеческих грехов.

Как мы знаем, начиная с конца XVII — начала XVIII веков русское иконографическое искусство приходит в упадок. И лишь в XIX веке русский художник Виктор Михайлович Васнецов попытался возродить богословский и догматический смысл иконы, прибегнув к более понятному художественному языку того времени академическому (реалистическому) стилю. Конечно, как светский художник, Васнецов использует язык эмоций, поэтому его иконографические изображения носят более светский характер, как это наблюдалось некогда на западе. Но если сравнивать картины Страшного Суда художника Васнецова и плод фантазий западных художников XVI века, то в глаза сразу бросается то, что Васнецов все-таки брал за основу древние иконы, интерпретируя их на современный ему лад.

Страшный Суд П. Рыженко

Нельзя обойти вниманием и нашего современника художника Павла Рыженко с его работой над картиной Страшного Суда (2007г.) в росписи кафедрального собора г.Якутска. Картина состоит в основном из исторических личностей России. Но замысел в этой работе художник озвучил так: «Я специально оставил несорванной одну печать при вхождении в небесные врата на Суд. Чтобы каждый представил себя в центре холста и определил свое место на небесном полотне».

Главной сюжетной идеей темы Страшного Суда является противопоставление загробной участи праведников и грешников. На западе эта тема постепенно перетекла из видения духовного в переживания душевные, чувственные. Мы можем наблюдать множество произведений художников периода XV-XVII веков, где в деталях изображены страшные мучения грешников. Эмоциональные реалистические сюжеты всегда были присущи западным художникам, и это влилось в религиозное искусство западных церквей по той причине, что иконография в поствизантийское время практически уступила место чувственным картинам периода Ренессанса.

В восточном византийском и русском искусстве преобладало исихастское (молитвенно-созерцательное) видение Судного Дня. Этому свидетельство изображения икон Страшного Суда в росписи великокняжеской домовой Благовещенской церкви московского кремля, выполненной в 1405 г. Феофаном Греком, старцем Прохором и чернецом Андреем Рублевым, также во Владимирском Успенском соборе Андреем Рублевым и Даниилом Черным. Здесь преобладают сюжеты пришествия Спасителя в силе и славе. «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир» (Ин. 3.19). Апостол Павел говорит: «имею желание разрешиться и быть со Христом» (Фил.1:23). Для человека с таким желанием Второе пришествие Спасителя будет далеко не Страшным Судом, а величайшим торжеством, Пасхой небесной. Только в таком видении изображение Страшного Суда будет иконой. И только перед такой иконой человек сможет молиться, оплакивать своё греховное состояние, и радоваться подобно апостолу Павлу тому, что в скором времени всем нам предстоит разрешиться от этого тленного мира и встретить предвечного Владыку и Спасителя, который скажет: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Матф.11:28,30).

Иерусалимский устав — принят в 524 году в Лавре преподобного Саввы Освященного, близ Иерусалима. Был введён в общежительных обителях всей Палестины, откуда распространился по всему Православному Востоку.

Студийский устав — составлен преподобным Феодором Студитом, настоятелем Студийского монастыря в Константинополе IX в.

СВОЙ ПУТЬ

Судьба гуманизма есть великая трагедия человека, ищущего антропологического откровения.

Николай Александрович Бердяев «Смысл творчества» Глава II, Человек. Микрокосм и макрокосм.

Мне хотелось надеяться, что после того, как мы, наконец, соберём сколько-нибудь сносный минимум «Своих путей», можно будет с уверенностью сказать: «Вот мол, большинство людей Господь приводит к Себе через страдания или, скажем, через Достоевского, или ещё через кого-то». Сейчас мы приблизились ко второй дюжине, и я понимаю, что у Бога нет «большинства». У Него нет даже «меньшинства» — только я один здесь и сейчас. Со своим грузом «тараканов», игрушек, разного рода измышлений по поводу своей уникальной личности, счастливый ли, несчастный ли, больной или здоровый, и даже хотел ли я быть с Ним или не хотел — всё может стать не важным, если захотел Он. Всё, что кажется похожим снаружи, все эти статистические пункты вроде «впервые зашёл в храм» и даже «впервые открыл Библию» на самом деле такая условность и естественность, которая сама по себе есть УЖЕ ПОЧЕМУ-ТО СДЕЛАННЫЙ ШАГ. «Свой путь» — это не рубрика интересных историй. Это наша попытка ответить вот на этот вопрос: «Господи, что же Ты увидел во мне, если призвал?»

ЕЛЕНА БАБИЧ

ЖЫЦЦЁВЫ МАЯТНІК СПАДАРА АРЦЁМА

пра “СВОЙ ШЛЯХ” да Бога распавядае паэт Арцём Кавалеўскі

фото В. Сутягина

Пра парадоксы

Адчуваеш многа, а сказць можаш мала, вось такі парадокс. У мяне ў жыцці многа парадаксальнага. Вось, напрыклад, прысніўся сон, што я ехаў і мяне аштрафавалі за тое, што ў мяне на ровары не было скрыначкі для падагрэву бутэрбродаў. Чаму на гэтым ровары павінна быць гэтая скрыначка, я не ведаю.

У савецкі час амаль ніхто ў маёй сям'і не быў хрышчаны. Памятаю толькі, што разам з бабуляю ў кватэры жыла прабабуля Васіліса, дык вось яна заўсёды прамаўляла да Багародзіцы: «Царыца нябесная, Маці Заступніца». Для нас са стрыечнай сястрой гэта было нешта незразумелае, і мы часам нават ваяўніча рэагавалі, кажучы: «Ну што бабуля, ты верыш у Бога? А Бога няма».

Вялікдзень мы ўсё ж святкавалі, праўда, толькі фарбаваннем яек. Іншай асацыяцыі свята не выклікала. Памятаю, у пачатковай школе, калі пасля Вялікадня дзеці прышлі на занятк, настаўніца спытала: «Так, дзеці, хто ўчора фарбаваў яйкі?» А дзеці, яны ж наіўныя, падымалі рукі, выкрыкваючы «Мы фарбавалі! Мы фарбавалі!» І яна, канечне, адказвала: «Во-ось, гэтага нельга рабіць!» Хоць быў і закат савецкай эпохі, здаецца, год восемдзесят шосты, але ўсё гэта існавала.

Калі ж эпоха такой жахлівай прапаганды раптам перамянілася эпохай перабудовы, маці і цётка вырашылі ахрысціцца. Бо як гэта? «Усе людзі хрышчаныя, а мы не хрышчаныя». Зразумела, мы з сястрою таксама падпадалі пад гэтае вырашэнне, таму хутка і ахрысціліся ўсе разам. Я вучыўся тады ў шостым класе. Канечне, тады нічога ў маім жыцці не змянілася: я не ведаў ніводнай малітвы і не чытаў Пісанне. Гэта быў проста факт біяграфіі.

Потым, у старэйшых класах, я стаў выбірацца ў горад. Мне падабалася доўга блукаць па Мінску, і, зразумела, што ў поле майго зроку траплялі цэрквы і касцёлы. Я стаў заходзіць у іх, нічога не разумеючы, толькі назіраў, як людзі паводзяць сябе. Гэта было такое візуальнае ўспрыманне нават не рэлігіі, а пэўнай абраднасці. Бо вельмі цяжка ўцяміць з'яву, калі ты пазбаўлены ведаў пра яе. Вось як цяжка зразумець сучасны літаратурны твор, калі ты не ведаеш традыцый літаратуры альбо цяжка ўспрыняць жывапіс, калі ты ніколі не бачыў жывапісу. Тое ж самае і ў

Пра ўспрыманне свету

Дзіцем я ўголас размаўляў сам з сабою, з дрэвамі, з птушкамі. Вось іду па вуліцы і размаўляю з гэтым светам. Я думаю, што падсвядома тут ужо было нейкае адчуванне прысутнасці больш высокага. Я вельмі востра адчуваў тое, што мяне акаляе: дрэвы, птушкі, лісце, дарогі, дамы. Напэўна, гэта і было такім падсвядомым веданнем, што яно створана кімсьці, а Кім? – Богам, зразумела.

Пра свае сілы

Я зразумеў адну такую рэч: нельга быць звышнатуральна ўпэўненым у сваіх сілах. Як толькі ты ў іх паверыш, усё рушыцца. Як толькі ты сказаў: «Я сам гэта змагу, я гэта пераадолею» альбо «Я гэтага больш не зраблю», стаецца так, што робіш — падаеш яшчэ ніжэй. І ад гэтага робіцца страшна, ты разумееш наколькі ты малы і слабы. Але вось хрысціянства тым і выратавальнае, тым і каштоўнае, што ты можаш узняцца, ты заўжды маеш надзею. Вось гэта, мне здаецца, самае галоўнае — такая надзея. Любоў — Бог, вера — тое, што ў нас павінна быць, а надзея — сам наш шлях, бо калі мы не будзем спадзявацца, то як існці і навошта?

рэлігіі. Але, напэўна, штосьці мяне падштурхоўвала, хацелася далучыцца, спачатку хаця б побытава, да той грамады, якую я тут назіраў. Вось яны стаяць у царкве, штосьці робяць, і я разумею, што яны робяць гэта не проста так — яны ведаюць, навошта трэба гэта рабіць. А я стаю, гляджу і не ведаю. А калі я стану проста паўтараць іх паводзіны, гэта будзе звычайнае капіраванне, але без разумення. І ад гэтага ўжо ідзе паглыбленне, пачынаеш цікавіцца: а што за гэтым рэтуалам стаіць? Ну вось так паступова, вельмі-вельмі паціху, я пачаў заходзіць у царкву — з гэтага ўсё пачалося.

Я ўпершыню набыў малітваслоў. Гэта была зусім маленькая, танюсенькая кніжачка, якую я пачаў без тлумачэння чытаць. Гэта ж вельмі цяжка, калі ты не ведаеш царкоўнаславянскай мовы. Але чытаў, разумеючы, што Бог… што Ён ёсць! Не магчыма, каб не было. А калі Ён ёсць, значыцца з Ім трэба неяк камунікаваць. Ну а як камунікаваць? Проста папратэстантску час ад часу штосьці Яму прамаўляць? Ды не, вось я праваслаўны, значыцца я мушу і паводзіць сябе як праваслаўны. Тады пачалося знаёмства з малітвай.

Упершыню да Споведзі я пайшоў, здаецца, на другім курсе ўніверсітэта. Перад Вялікаднем на ўсеначнай я паспавядаўся і прычасціўся ў Свята-Петра-Паўлаўскім Саборы. Тады ў мяне ўжо быў пэўны досвед і малітвы, і наведвання царквы, але галоўнае, Прычашчэнне, я чамусьці доўга адкладаў.

Спавядаў тады айцец Андрэй Лемяшонак. Да яго была вялікая чарга, і я стаяў гадзіны тры ці чатыры. Бацюшка стамляўся, таму не стаяў заўсёды перад аналоем, а час ад часу сядаў у крэсла, і кожны, хто спавядаўся, мусіў укленчыць — устаць на калені і гаварыць. Я плакаў, канечне, было вельмі сорамна. Таму што, рыхтуючыся да споведзі, чытаў пералік грахоў, зразумеў і адчуў, што некаторыя рэчы, якія раней здаваліся звычайнымі, на самай справе — грахі. Яны ёсць, прытым ні адзін ці два — іх шмат, і вось у гэтай багне я сяджу.

Зранку было Прычасце. Цяжка гэта нават абазначыць словамі, але з'явілася пачуццё нейкага ўзлёту, ну сапраўды адчуванне, што ты ачысціўся. І такое шчырае жаданне больш не рабіць таго, што рабіў раней.

Пасля першай споведзі другая была толькі праз

Пра Зніча

Сённяшні інак Мікалай быў тады яшчэ паслушнікам, але зрабіў ужо свой свядомы выбар. Даведаўшыся пра ягоны шлях, я зразумеў, чаму ён ніколі не асуджае. Бо ён разумее. Пражыўшы столькі, можна зразумець і чалавечыя слабасці іншага. Пры тым гэта высокаінтэлектуальны чалавек, музыка і філосаф, літаратар, які паходзіць з вядомай сям'і. Усё гэта не перашкодзіла, а нават дапамагло, — вось гэтыя тычкі жыцця дапамаглі яму

Пра цуды

У мяне бабуля не ўвацаркаўлёная, але на свята Уваходу Госпадняга ў Іерусалім папрасіла прынесці ёй пару вербных дубчыкаў. Дарэчы, мела яна звычку: кветкі напаўсухія адразу не выкідаць. Тады ў яе ружы стаялі. Кволыя, мёртвыя, але ў вадзе. Вось яна і кажа: «У тую вазу гэтыя галінкі і ўтыркні». Утыркнуў, а праз дзень яна мне тэлефануе і гаворыць, што ружы ізноў ажылі. Прышоў — так і ёсць: нармальныя свежыя ружы.

ДАВЕДКА: Арцём Кавалеўскі. Паэт, перакладчык, старшы выкладчык кафедры літаратурна-мастацкай крытыкі Інстытута Журналістыкі БДУ. Аўтар вершаў да зборніка літаратурна-мастацкіх паштовак «Горад. Шпацыр. Словы», 2001, кніг «АдмыСЛОВЫя гульні», 2003 (паэзія), «Аддаленасць і Адданасць», 2008 (паэзія і лірычная проза) і «Мой сябра анёлак», 2010 (паэзія для дзяцей). У 2000 г. атрымаў прэмію Саюзу беларускіх пісьменнікаў «Супервобраз XXI стагоддзя» за цыкл вершаў. Творы Арцёма Кавалеўскага перакладаліся на англійскую, нямецкую, шведскую, славенскую, польскую і літоўскую мовы.

Пра прысутнасць Бога

Бачыш, як раскрываецца першае лісце, бягуць ручаіны… Глядзіш на праявы прыроды, якія табе знаёмыя з дзяцінства, — і мурашкі па скуры, слёзы самі з'яўляюцца на вачах. Гэта імгненнае пачуццё нейкага шчасця. І дзеці гэта адчуваюць. У тэалогіі яны ніяк не арыентуюцца, але вось бачаць кветку і захапляюцца. А дарослыя дзівяцца: з чаго тут можна захапляцца? І гэта дзіцячае адчуванне, здаецца, роднаснае адчуванню прысутнасці Бога.

Вось я іду, напрыклад, узіраюся ў неба, а там зоры, і я не магу адчуць сваім прымітыўным мозгам, нават чытаючы некія навуковыя выкладкі, што Сусвет бясконцы. Я ведаю, што ён бясконцы, а як гэта, я не разумею. Я нават не магу ўявіць адлегласць да зорак. Але ж яна ёсць. Тут столькі намешана адчуванняў: і прыгажосць, і нейкі страх. Ведаю, што ёсць Зямля — такая кропка ў Сусвеце, і тут жывуць людзі. Але вось ЯК гэта? Я не магу гэтага зразумець, але гэта ёсць. Так і Бог.

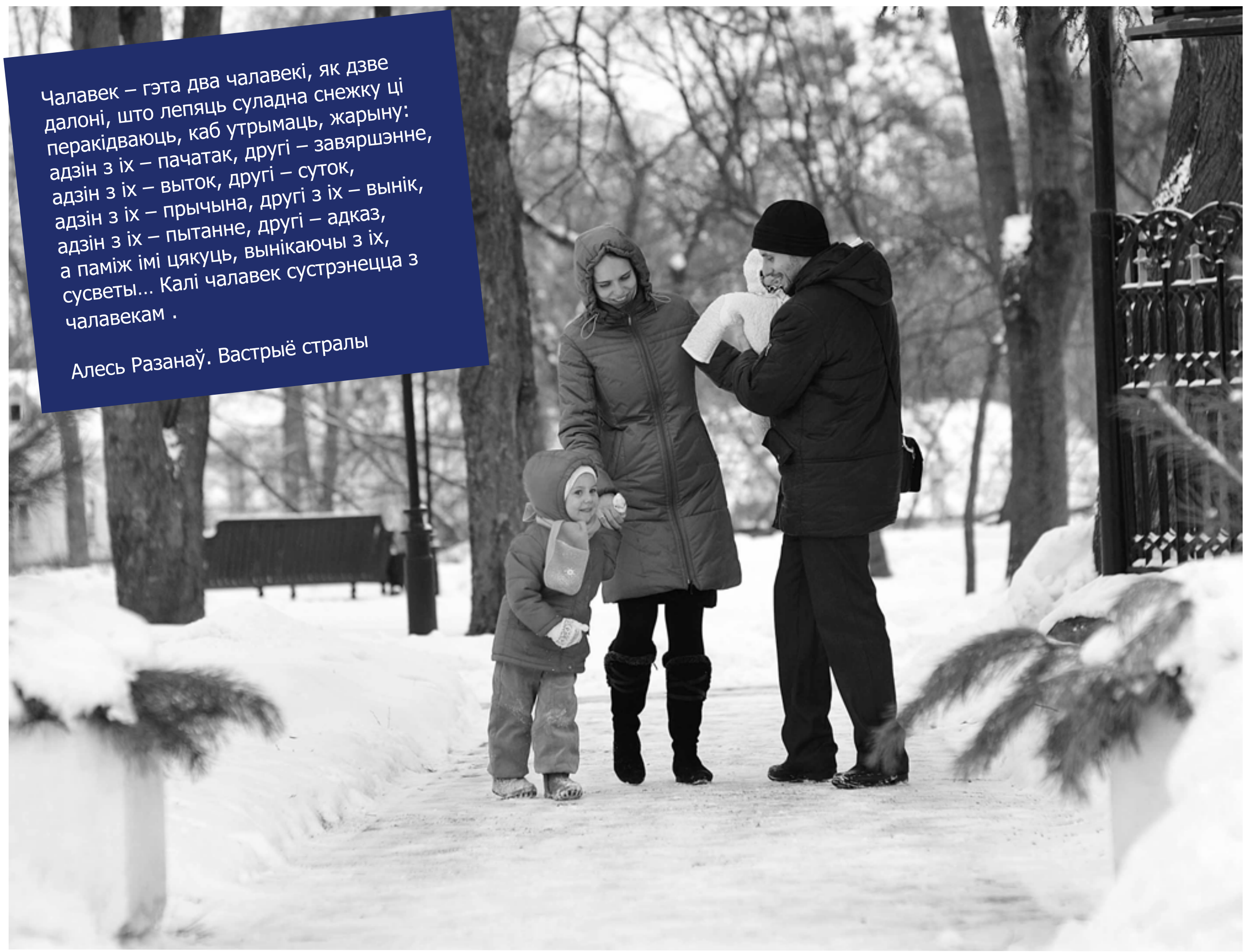
год. Гэта былі рэдкія крокі, ішоў намацваючы шлях. У мяне не было ніякага сябра ці памагатага, які б сказаў нешта накшталт: «Давай хадзіць разам». Усё было даволі самастойна.

Праз год, зноў жа перед Вялікаднем, была споведзь, ну і так паступова… Першы свой тоўсты малітваслоў я набыў, калі быў у паломніцтве ў Жыровіцах. Потым мы ездзілі з сябрам у Пскова-Пячэрскую лаўру.

Быў, канечне, і момант неафітства. У мяне гэта выявілася ў імкненні ўзваліць на свае плечы столькі ўсяго, што цяжка панесці. І як вынік — туга, сум, дэпрэсія. Пачалося гэта з маёй аднагрупніцы па спецкурсе. Вольга вельмі актыўная, практыкуючая каталічка. Яна заўсёды трывала ўсе пасты. Вядома, што пад час посту трэба пазбавіцца розных забаваў. Але я слухаў музыку. Я вельмі люблю музыку. Памятаю, Оля на гэта сказала: «Ты што?! Я ў пост музыкі не слухаю». Тады пра сябе падумаў, якая яна малайчына, і вырашыў таксама не слухаць. Праз гэта мне было неяк, шчыра кажучы, не камфортна. Ішоў час, неяк усё змянялася, грахі паўтараліся, пазбавіцца ад таго, ад чаго хацелася пазбавіцца, не атрымлівалася — і я ўцяміў, што я вельмі слабы чалавек. Магчыма, гэта з'явілася падставай новага разумення: ну так, мы ўсе грашым, але дзіўна праз гэта не звяртацца да Бога. Ну а хто тады яшчэ дапаможа? Бо жыццё чалавека як маятнік: цэнтр – гэта Ісціна, гэта Бог, а шарык — гэта мы: то сюды, то туды адхіляемся. Нават Святыя лічылі сябе грэшнымі, ну дык а што мы?!

Я не магу сказаць, што я кожную нядзелю хаджу ў царкву, я радзей хаджу. Але прынамсі рэгулярная практыка Споведзі і Прычашчэння неяк усталявалася. Заўсёды ёсць адчуванне, што гэта трэба зрабіць. Вось як да стаматолага не хочацца ісці, але ўрэшце ты мусіш да яго звярнуцца, каб палячыць зубы. Тое ж самае і тут. Трэба прымушаць сябе, бо калі ты не будзеш прымушаць, то і практыкі не з'явіцца. Хаця цяпер мне здаецца, што я на самым пачатку гэтага шляху, бо мне яшчэ ісці і ісці. І тое, што тычыцца сапраўднага хрысціянскага жыцця і нават увацаркаўлённасці, зусім не блізка.

«ПУТЕВЫЕ» ЗАМЕТКИ СЕМЬИ БУЙ

Чалавек – гэта два чалавекі, як дзве
далоні, што лепяць суладна снежку ці
перакідваюць, каб утрымаць, жарыну:
адзін з іх – пачатак, другі – завяршэнне,
адзін з іх – выток, другі – суток,
адзін з іх – прычына, другі з іх – вынік,
адзін з іх – пытанне, другі – адказ,
а паміж імі цякуць, вынікаючы з іх,
сусветы... Калі чалавек сустрэнецца з
чалавекам .

Алесь Разанаў. Вастрыё стралы

У журналиста есть чёрный список хороших, но запрещённых слов. Кстати, слово «хороших» тоже запрещено. Вместе со словами «прекрасный», «лучший», «самый», «превосходный», «безусловно» и им подобными. Но, господа, все мы «превосходно» знаем, для чего существуют правила, поэтому о своём пути к Богу сейчас расскажет «безусловно, самая лучшая» из известных мне семей — семья Павла и Анны Буй.

Анна и Серафима

Ещё до официального знакомства с П&А, я знала, что «СЕМЬЯ БУЙ» — это явление. «Вконтакте» нет Анны Буй и Павла Буй, зато есть Семья Буй. Автора некоторых статей «Поколения» тоже зовут Семья Буй. Впрочем, Анна и Павел — в быту исключительно Аннушка и Пашенька — не только пишут вместе, но даже рожают вместе (полистайте журнал, поймёте, о чём я). Сейчас в семье двое симпатичных малышек: Иулиания и Серафима. Папа — доцент кафедры системы передачи информации Белорусского государственного университета транспорта, мама — архитектор. Представлять этих людей по отдельности я не могу и не хочу. Кстати, этого, с позволения сказать, «не смог» Сам Господь Бог, потому одновременно привёл к Себе обоих. «У нас нет индивидуального пути. Ни моего, ни её. Есть наш совместный путь», — замечет отец семейства.

ЖИЗНЬ ДО

ПАВЕЛ: В три года меня специально вывезли из Москвы в Гомель и тайно крестили. Правда, верующей была только московская бабушка. Мама работала в школе и была кандидатом в члены КПСС. Уже в 90-е годы с родителями стали иногда ходить в храм. Мама скоро воцерковилась, но, честно говоря, я не заметил, как это произошло. Мне тогда казалось, что церковь — это просто такое странное место, где нужно молчать и ставить свечки. Иногда, прогуливаясь с друзьями по городу, могли зайти в храм — постоять. Вот так постояли, посмотрели и пошли дальше, о другом никто и не думал.

Правда, у меня был пятитомник «Детской Библии». Я её читал всю несколько раз, когда мне было лет двенадцать. И мне нравилось. Мне казалось, что там интересные истории. Я помнил их и мог те или иные моменты в своём поведении с ними ассоциировать. Это был такой общеобразовательный компонент, но всё равно библейские истории оказали своё действие. Ведь в жизни подростка есть моменты, когда он решает, как ему поступить. И чтобы выбрать путь, нужны ориентиры. И вот понимаю сейчас, что Библия стала для меня одним из них.

АННА: Мы с родителями заходили в храм только на Пасху освятить куличи. Правда, я знала, что есть моя святая — Святая Анна. Перед экзаменами я часто ей молилась. Я не была уверена, есть ли Бог, и отношения с Ним были такие, словно Он мне что-то должен: когда

плохо, я к Нему обращаюсь. На этом, как правило, всё заканчивалось.

Иногда случались какие-то моменты душевного просвещения — меня тянуло в храм. Заходишь, время останавливается, появляется умиротворение. Но кое-что меня смущало: на дверях церкви, которая была недалеко от дома, висело объявление «Женщины в брюках не допускаются». А у меня вообще были только одни брюки. И это была тогда настоящая преграда, потому что идти и знать, что тебе сделают замечание, совершенно не хотелось.

Однажды, когда мне было четырнадцать лет и я лежала в больнице на обследовании, к нам приходил батюшка. По-моему, его звали отец Владимир. Детей собрали вместе в одной комнате, и священник говорил с нами о Боге. Предложил задать вопросы, но я даже не знала, о чём у него спросить. Потом батюшка сказал, что будет нас причащать. Мы подходили, каялись и потом причащались. Это было первое в моей жизни Причастие. Помню, что оно произвело на меня впечатление. Когда батюшка накрыл меня епитрахилью, я, конечно, не знала, что говорить. Тогда он стал задавать наводящие вопросы, и, кажется, я стала осознавать, что такое грех, именно когда стала исповедоваться. После Причастия священник говорил, что надо молиться и ходить в храм. Я помню, что очень воодушевлённая позже рассказывала маме эту историю. Мама говорила, что всё это несерьёзно, а я — что она не права и что ей тоже нужно бы послушать батюшку. Словом, ещё неделю это понимание во мне продержалось, потом — всё: с четырнадцати до двадцати трёх — девять лет глухоты.

Павел и Ульяна

ДВОИМ ЛУЧШЕ, НЕЖЕЛИ ОДНОМУ

ПАВЕЛ: Мы стали встречаться в 2006. 26 июня. Аня жила в Мозыре — работала по распределению, я учился в аспирантуре в Минске. Полтора года мы встречались наездами. Старались видеться каждую неделю, правда, это удавалось только на несколько часов. Поезда в Мозырь ходили неудобно, с пересадкой в Калинковичах. Да ещё и моя подработка в Гомеле — туда тоже приходилось заезжать. Словом, это было сложно, но очень приятно.

АННА: В то время у меня были тяжелые отношения с девочками в общежитии. Я очень сильно переживала по этому поводу. Как раз

тогда Пашина мама, стала передавать мне православные книги. Первая книга «Куда пропали снегири» Наталии Сухининой оказалась очень важной для меня. Потом были ещё. Я читала, находила ответы на свои вопросы. Были моменты, когда в этих спорах хотелось за себя заступиться, но интуитивно уже понимала, что, лучше здесь избрать путь смирения и любви. Благодаря Пашиной маме стали возможными мои первые шажочки к Богу.

ПАВЕЛ: Однажды мы встретились в Гомеле, и я сделал Ане предложение. Конечно, попросил подумать. Мы разъехались на неделю. Потом встретились и всё решили. Сейчас шутим, что, если бы времени думать не было, Аня согласилась бы сразу. Настолько была сильная у меня уверенность, что Аннушка — моя половина на всю жизнь. Я, наверное, её за полтора года до этого напугал, когда намекал на что-то такое. Мы ещё тогда решили венчаться, потому что у нас было представление, что венчание серьёзней, чем просто женитьба — это навсегда. Ну, а вот теперь мы стали действительно над этим работать — надо же знать, что да как. К маме пошли. Она нас повела к знакомому батюшке. Мы были на собеседовании, и всё, что нам говорили, в принципе, знали: об отношениях до брака, о целомудрии. Батюшка за пятнадцать минут изложил квинтэссенцию всего, что было прочитано в тех самых маминых книгах. У меня всё как-то под вторичным влиянием произошло: мама Аннушке, Аннушка мне. А когда любимая говорит: «Почитай!» О чём речь?! (улыбается)

Весной мы решили причаститься. Для меня это было в первый раз.

рисунок Ульяны

СТУПЕНЬКА НОМЕР РАЗ

АННА: Пашина мама многое рассказала мне о молитве, подарила свой молитвослов. Я стала молиться, и моя мама уже знала, что по утрам ко мне в комнату заходить нельзя (улыбается).

Мы знали, что надо причащаться и готовиться к Причастию. Хотели причаститься до венчания, чтобы Причастие перед самим венчанием не было первым в нашей жизни. Я считала, что то Причастие в больнице было спонтанным, без должной подготовки. И Исповедь, быть может, не была тогда вполне серьёзной. Поэтому мы с Пашей считали, что идём на первую осознанную Исповедь. Мама и про Исповедь тоже всё подробно рассказала.

ПАВЕЛ: Все советы мы тогда воспринимали как догму. Очень серьёзно: не чистить зубы, ни в коем случае от Исповеди до Причастия ни с кем не разговаривать, даже молитвы нельзя читать, потому что откроешь рот — всё! Сразу что-нибудь заскочит! Сейчас воспринимается это смешно, но тогда — ни в коем случае!

Первый раз причащались в Никольском храме. Сам процесс подготовки к Исповеди многое изменил внутри. Ведь как раньше? Бывает, сожалеешь о каком-то поступке, но никогда не думаешь о нём глобально. Всегда стараешься себя оправдать. А здесь же совсем по-другому. Перед Исповедью, особенно первой, начинаешь прорабатывать целый пласт жизни. Сначала поверхностно, а потом подробней, и впечатление о себе остаётся нелицеприятное. С этим впечатлением потом идёшь исповедоваться, и когда это всё рассказываешь там и со слезами, и с сожалением, и с горечью, потом получается ТАКОЕ облегчение! Первую Исповедь ни с чем не спутать. Раньше у меня такого никогда не было. Это одни из тех моментов, когда мировоззрение сдвигается.

АННА: Первая Исповедь перевернула всю жизнь. Было ощущение, что грешна во всём. Когда только начала говорить, у меня ком был в горле. И слёзы текли, ничего не могла поделать. Батюшка уже заволновался, говорит: «Успокаивайся, а то у нас сейчас будет потоп». Можно сказать, я родилась заново. Причастились, приехали домой, и Паша мне первый сказал: «Я тебя люблю». Я тоже ему в любви призналась. У нас редко такое было, но вот в этот день случилось. Мы время от времени вспоминаем

эти моменты. Это было очень трогательное, прочувствованное признание.

ВЕНЧАЙ Я В ПЛОТЬ ЕДИНУ

ПАВЕЛ: Мы реши венчаться в Петропавловском соборе. А когда пришли, чтобы договориться, к нам вышел диакон, строго посмотрел на нас и сказал: «В нашем храме замечены не были». Стало стыдно, ведь мы на самом деле там очень редко бывали. После этой фразы мы стали ходить именно в кафедральный собор.

АННА: Я помню, перед венчанием мне было страшно. Раньше я очень часто сомневалась во всём. Тогда тоже думала, а как будет дальше? Я просила у Бога, чтобы у нас сложились отношения, чтобы я была хорошей женой. Если бы я знала, что всё будет вот так, как есть, я бы вообще не волновалась (смеётся).

ПАВЕЛ: Мы рады, что тогда не побоялись. Ничего не зная, сделали первый шаг. Ведь можно было и не делать, но тогда неизвестно, как бы мы сделали его потом. Друг без друга ничего бы не вышло. Когда человек неопытный, в одиночку сталкивается с чем-то непостижимым, он боится и может отступить. Поддержка очень важна в этот момент.

АННА: У нас вообще всё происходит совместно. Причащаемся всей семьёй, даже вместе читаем книжки вслух. Появились свои традиции. Вера стала стержнем нашей жизни. Я сейчас не представляю, как без веры можно воспитывать ребёнка. Конечно, я глубоко благодарна своим родителям, они у меня прекрасные. Такой жертвенности, как у них, я нигде и никогда не встречала. Но всё-таки я жила, если можно так сказать, в безбожном гуманизме. Нам Ульяну помогает воспитывать именно вера, книги православных психологов, Святых отцов. С помощью веры ребёнку можно всё объяснить.

АПОСТОЛЫ БОГА

АННА: Первая беременность была очень сложная. Когда мы ждали Ульяну, врачи ставили угрозу выкидыша. Несколько раз я лежала в больнице. Особенно плохо чувствовала себя на позднем сроке, почти не вставала с постели. Паша с моей мамой меня выхаживали. Правда, сейчас понимаю, что я боялась больше, чем стоило бояться на самом деле. Постоянно находилась в стрессе, зато я много молилась. Я,

можно сказать, думала молитвами. Причащалась сначала раз в две недели, потом каждую неделю перед родами. Каждый день читала Акафист Пресвятой Богородице.

Слава Богу, всё обошлось. Но после рождения Ульяны в храм, конечно, стало гораздо сложнее попасть, да и на молитву тоже оставалось очень мало времени. Я долго пыталась вернуться к тому прежнему состоянию. Я считала, что со мной происходит что-то неправильное. Разумеется, видела причину в себе, но, думаю, это отражалось даже на ребёнке. Будто бы из-за ребёнка у меня что-то не получается. Только потом я стала понимать, что по-другому не будет, потому что это уже совсем другая жизнь. Ведь на самом деле, служение детям — это служение Богу. Бог послал нам деток, чтобы мы их вырастили, и Он нам помогает их растить. Потому надо относиться ко всему спокойно, с мудростью. И теперь вот Симочка родилась. Да, тяжело молиться, часто на ходу молишься. Но ничего, уже как-то всё понимаешь, приспосабливаешься. Хотя и до сих пор переживаю, что не получается вдумчивой молитвы.

ПАВЕЛ: Есть такой положительный момент в детях: когда ребёнок становится старше, и с ним начинаешь изучать основы веры, для себя открываешь постоянно что-то новое. Кажется сначала, что много знаешь, а когда начинаешь детские книжки читать, такие вещи интересные открываешь, о которых ты раньше и не задумывался. Будто сам на катехизических курсах. С ребёнком проходишь тот путь, который когда-то не прошел, но уже своим взрослым сознанием столкнулся со взрослыми вещами. Вот я помню своё подростковое отношение: это ж куда-то собираться, куда-то идти — ничего интересного в церкви для меня не было. А вот сейчас у Ульянки другое отношение — у неё там свой детский интерес, и пока он есть, нужно постараться его не потерять и перевести цепочкой во что-то более серьёзное. И мы, как взрослые, этот интерес с удовольствием разделяем.

Действительно, раньше казалось, что мы белее осознанно и направленно двигались в духовной жизни. Сейчас с рождением детей становится сложнее. Как-то застреваешь. Но есть ощущение какой-то приятной зависимости. Дети — это такой добрый наркотик, от которого только положительные последствия. Конечно, бывает сложно сходить вместе на Причастие и молиться, но ведь это тоже часть пути.

НАШИ ПРИХОДЫ

Преобладающее и побеждающее гуманистическое сознание освобождало и утверждало природного человека, утерявшего свою микрокосмичность и свою царственность.

Николай Александрович Бердяев «Смысл творчества» Глава II, Человек. Микрокосм и макрокосм

ЕЛЕНА БАБИЧ

ШЛЯХ ДА ЎНУТРАНАЙ ЦАРКВЫ

- рэпартаж з успамінаў і думак айца Анатоля Ненартовіча
- пра храм знешні і ўнутраны
- пра святара "будаўніка"
- пра народ і яго святыні
- пра цяжкую і простую мову

Калі на якойсьці пустцы пасярод нашай планеты раптам узнікае храм, касмічныя істоты, відаць, напішуць у сваіх гістарычных зводках нешта накшталт: «У 20 годзе на Беларусі працягваўся працэс адраджэння Праваслаўя». Ці можам мы, зямляне, беларусы, рабіць такія ўпэўненыя нататкі — вялікае пытанне. Наблізіцца да адказу на яго нельга проста назіраючы час ад часу, як пабліскваюе ў прамянях тытанавая мазайка купалоў. Няма адназначнага адказу і ў тых, хто гэтыя купалы ўзводзіў, і ў тых, хто моліцца пад імі штодня. Але ж, калі ёсць той самы факт узнікнення, мы можам пільна ўглядзецца ў яго і зрабіць крок да ісціны. Сёння аб'ект нашага «пільнага ўглядання» — храм у гонар Сабора Усіх Беларускіх Святых у Гродне.**

ПА-ЗА СТАТЫСТЫКАЙ

За ўсе гэтыя чатырнаццаць гадоў пра новы храм не напісаў толькі гультай. І той сфатаграфаваў. Спачатку крыж, потым — асвечаны вагон, будаўніцтва, людзей з цэглаю ў руках, купалы на круках пад'ёмнага крана. Факты, факты, факты… Нататкі для іншапланяцян і статыстаў. Але што было ПАМІЖ? Паміж вырашэннем і крыжом, паміж крыжом і вагонам, вагонам і храмам, храмам і вернікамі. У размове пра гэтае «ПАМІЖ» з настаяцелем царквы протаіерэем айцом Анатолем Ненартовічам адкрылася нешта, акрамя статыстыкі, нешта па-за ёю, нават нешта супрацьлеглае ёй і тое, што яна — статыстыка — нават самая дасканалая, ніколі не зможа ў сябе ўвабраць.

Жывыя цаглінкі

Гэта была тая сітуацыя, калі для таго, каб з'явілася значнае, Гасподзь зводзіць разам нейкіх спецыяльных людзей. Яны адрозніваюцца адзін ад другога ўсім акрамя таго, што адначасова хочуць зрабіць нейкую канкрэтную справу. Нагоды, магчымасці, погляды, род заняткаў — усё гэта ні пры чым, калі яны аб'яднаныя гэтым жаданнем. Тады цаглінкі складаюцца ў адно. Таксама складаліся і тут, і вось, нарэшце скляліся ў храм. Першую «цаглінку» заклаў мітрапаліт Філарэт, калі яшчэ ў дзевяноста чацвёртым благаславіў стварэнне абшчыны і будаўніцтва храма. Так прайшло чатыры гады, а на пяты раптам пачалі туліцца адна да адной іншыя «цаглінкі».

Яшчэ з семінарскіх часоў айцец Анатоль сябраваў з Уладзімірам Кіслым — вядомым рэстаўратарам і мастаком. Уладзімір часта прыязджаў тады ў Шчучын да айца Пятра Каліноўскага, там сябры часта бачыліся. Аднойчы Уладзімір Нікадзімавіч проста запытаўся ў будучага настаяцеля, ці не хоча той узяцца за будаўніцтва храма. Прывёў Валянціна Дубатоўку і Віктара Калацкага — прадпрымальнікаў, якія жадалі зрабіць штосьці значнае ў жыцці. Многія яшчэ падтрымалі і прапанавалі дапамогу.

у Алтары храма ў гонар Сабору Усіх Беларускіх Святых пад час Літургіі

А мне фактычна нічога не заставалася, як згадзіцца. Ды і сорамна было не згаджацца, калі людзі свецкія, амаль нецаркоўныя, хочуць будаваць храм, то як да гэтага павінен адносіцца святар? Клопат пра Царкву і людзей — непасрэдны яго абавязак. Увесь гэты час, здаецца, я імкнуўся быць падобным да тых людзей, хто не шкадаваў ні часу, ні сіл, ні сродкаў, дзеля будаўніцтва храма.

Калі бацюшка ўпершыню прыйшоў за праектам храма ў «Гроднаграмадзянпраект», у кожным кабінеце яго чакала абавязковае пытанне тыпу: «Ці ёсць у вас якая-небудзь тэхнічная або будаўнічая адукацыя?» — «Не, — адказваў айцец Анатоль, — але ў мяне ёсць благаслаўленне». У моц і сапраўднасць гэтых слоў святару давядзецца цвёрда ўпэўніцца пасля, а пакуль ні

ён сам, ні ўсе тыя, хто прафесійна і шчыра намагаўся дапамагчы айцу Анатолю ў будаўніцтве, не маглі да канца верыць у рэальны поспех новага распачынання.

Галоўнага інжынера праекта Уладзіміра Дземянчука «падрадная каманда» ўвогуле прывяла ў жахлівае становішча, бо складалася з самаго бацюшкі і чатырох яго памагатых. Тым не менш крок за крокам разгарнулася праца: вырылі катлаван, пачалі манціраваць падушкі, блокі, сцены. На гэтым этапе, відаць, расчараванне і перайшло ў спадзяванне. Тут ужо немагчыма было дазваляць сабе нават думкі пра няўпэўненасць. Канечне, хвіліны расчаравання былі, але як раз тут і стварaліся самыя вялікія цуды. Зусім нечакана прыходзіла дапамога: у скарбонках знаходзілі таемныя ахвяры, ці прыязджалі аднекуль невядомыя людзі і ахвяроўвалі на храм. Гасподзь сапраўды працягваў сваю руку ў цяжкія хвіліны. У гэтым бацюшка ўпэўніўся не раз на працягу ўсіх гадоў будаўніцтва. Пазней айцец Анатоль скажа: «Нічога не павінна спыняць: ні адсутнасць сродкаў, ні адсутнасць матэрыялаў. І спецыялісты прыйдуць, і людзі адшукаюцца, і сродкі будуць, калі мы будзем гэтага хацець, калі будзем гэтым гарэць. Калі чалавек не гарыць, то і іншых ніколі не прымусіць загарэцца».

Тое, што галоўнае ў будаўніцтве – гэта людзі, сумленне і жаданне назавем першым асабістым вынаходніцтвам святара. Але былі і яшчэ.

Вынаходніцтвы айца Анатоля

Яшчэ да з'яўлення сапраўднага храма са сценамі і абразамі, бацюшку дадзена было вынайсці для сябе, што гэтыя сцены могуць быць неабавязковымі. Найперш, калі на месцы будаўніцва ўсталявалі крыж і кожную нядзелю маліліся ля яго разам з вернікамі. Затым з'явіўся на гэтым жа месцы чыгуначны вагон і стаў часовым храмам.

Ідэя з вагончыкам ўзнікла, калі падобны экземпляр сустрэўся айцу Анатолю на шляху з Мінска ў Гродна. Такі самы адзінокі вагон, толькі з крыжам стаяў побач з распачатым будаўніцтвам храма. Добрая ідэя, улічваючы адсутнасць сродкаў нават на мінімальную часовую пабудову. Ідэя была акуратна запазычана і перавезена у Гродна. Праўда, увасабленне яе патрабавала некаторай напружанасці: спачатку са здабычай, потым з перавозкай. Пасля шматлікіх зваротаў да кіраўніцтва чыгункі, вагон ўсё ж такі ахвяравалі, а вось перавозіць на месца адмовіліся амаль усе арганізацыі, да якіх святар звяртаўся за дапамогай. Фактычна атрымлівалася, што нібыта вагон нельга перавезці, а калі і пера-

возіць, то цаною такіх ахвяр, што лепш пакінуць яго чыгунцы. Толькі дырэктар «Саюзпраммантажу» Пётр Лучына згадзіўся тады на гэтую працу.

Калі мы пачалі рух, то супрацоўнікі ДАІ, ну проста павінны былі вельмі сур'ёзна маліцца, каб мы шчасна даехалі. Справа ў тым, што як раз насупраць ДАІ, калі гэты вагончык завіс на павароце, пачалі лопацца трасы, і ён амаль што зваліўся пасярод дарогі. Прыйшлося кранам зноў яго падымаць і ўсталёўваць. Сперажываліся тады сур'ёзна. Толькі цуд Божы, што даехалі ў рэшце рэшт без цяжкіх наступстваў.

Калі вагончык стаў на месца, пачаліся складанасці яшчэ больш цікавыя. На працягу пяці зім яго трэба было неяк ацяпляць. Ды і ні «неяк», а менавіта так, як робяць гэта чыгуначнікі ў звычайным вагоне — пасродкам ручной помпы і катла з шасцюстамі літрамі вады. Трубы спісанага двадцацігадовага вагона зімніх маразоў вытрымліваць не прызвычаіліся, таму сцюдзёнымі начамі маглі даваць значныя расколіны. І вось калі сярод ночы на мабільным тэлефоне айца Анатоля са звонам высвечваўся надпіс «Вагон», ён ўжо ведаў, што адбылося. Тады на працягу трыццаці хвілін разам збіраліся айцец Анатоль, айцец Віктар Свянціцкі, вартаўнікі і апальшчыкі і на сваіх легкавых аўтамабілях пачыналі вазіць з бальніцы хуткай дапамогі ваду. Палову ночы залівалі яе ў кацёл, рамантавалі непаладкі ў сістэме. Так, гаспадарчы вопыт святары атрымалі яшчэ той! Галоўнае, як сур'ёзна жартуе настаяцель, цяпер яны ведаюць: што такое ручная помпа і як набіць сальнік на яе.

Мы не сталі пераўсталёўваць ацяпляльную сістэму, таму што нашым першым імкненнем было жаданне хутчэй перасяліцца ў ніжні храм. Толькі гэта і рухала. Было шмат праблем: улетку вельмі горача, узімку — спачатку вельмі сцюдзёна, потым — таксама вельмі горача, а галоўнае — усе не маглі ўмясціцца ў вагоне. Але для мяне гэта было найлепшае месца для малітвы, самае шчырае, самае радаснае. Ніколі і ніякія гэтыя ўмовы чыгуначнага вагона на мяне не ўздзейнічалі дрэнна. Мне здавалася, што гэта самы лепшы храм, ва ўсякім разе, у маім жыцці. Здаецца, за ўвесь час нашай працы гэта было самае галоўнае маё адкрыццё.

Потым такіх вагончыкаў з'явілася шмат па ўсёй Беларусі, і назіранні паказалі, што там, дзе пачыналася ў любым выглядзе нейкае літургічнае жыццё, хутка разгортвалася і рэальная пабудова храмаў.

Было і яшчэ адно адкрыццё. Ужо практычнае, нейкае мірское, але ад таго не менш істотнае.

Я пачаў разбірацца ў этапах будаўніцтва і атрымаў досвед таго, як трэба арганізоўваць абшчыну. Мы часта кажам, што святар не павінен займацца гаспадарчай дзейнасцю, але сёння я не ведаю, як гэта зрабіць. Няма ў нас такой магчымасці. Калі святар не будзе ўнікаць ва ўсё, то ёсць рызыка, што і святарства будзе не на карысць. Ён павінен быць і прарабам, і забяспячэнцам, і будаўніком, і фінансістам, і святаром, канечне. Інакш не працуе. І калі людзі вакол цябе бачыць, што табе да ўсяго ёсць справа, і табе сапраўды цікава, то і яны да сваёй працы адносяцца ўжо па-іншаму.

Калі шлях нарэшце пройдзены, цікава, як выглядае ён, калі азірнуцца. Я запыталася ў айца Анатоля пра тое, што скажа ён бацюшку, які заўтра прыйдзе і распавядзе пра свае жаданні будаваць храм.

Скажу, што гэта цудоўна — ужо толькі адно тое, што ён мае такое жаданне. Свяціцель Іаан Златавуст казаў, што Гасподзь і намеры цалуе. А калі айцец яшчэ і на самай справе адшукае ў сабе сілы заняцца гэтым, то 10-15 гадоў яго жыцця не пройдуць дарма, і ён зможа ўбачыць плён сваёй працы. Пачаць трэба з каманды, а калі яшчэ раней, то са сваёй сям'і. Такое рашэнне святар аднаасобна прыняць не можа, таму што ўсё жыццё яго ў гэты час будзе на будаўніцтве. І яго матушка, і яго дзеці павінны будуць да гэтага не толькі неяк паблажліва адносіцца, але і ўдзельнічаць у гэтым. Інакш будзе непазбежны канфлікт у сям'і.

Я упэўнены, што зусім не абавязкова, каб святар разбіраўся ў будаўніцтве, зусім не абавязкова, каб ён меў камерцыйную жылку ці быў надзвычай прабіўны. Дастаткова аднаго жадання, каб стаць паслухмяной прыладай у раках Божых. Усё Гасподзь зробіць сам. Самы просты прыклад — наш айцец Вечаслаў Гаплічнік, які ні знешне, ні ўнутрана, ні па сваіх талентах абсалютна не падобны да будаўніка. Але мы ўсе сталі сведкамі таго, як, здавалася б, безнадзейнае месца ў Зарыцы ажыло, і сёння бачым фактычна поўнасцю пабудаваныя сцены вялікага храма. Вось што значыць проста жаданне святара, яго стараннасць і давер людзей. Без іх веры ў тое, што святар здольны гэта вынесці вельмі цяжка. Без людзей нічога не атрымаецца.

А яшчэ святар павінен быць падрыхтаваным выслухаць ўсё. Калі мы будавалі царкоўны дом, я ўвесь час чуў, быццам бы «замест таго, каб будаваць царкву, бацюшка будуе сабе хату». Гэта была самая папулярная тэма навакольнапрыхадскіх размоў: яшчэ не пабудавалі царкву, а ўжо дом. Вельмі няпроста пераканаць людзей у тым, што дом — гэта вялікая колькасць карысных у гаспадарцы памяшканняў, гэта і нядзельная школа, і брацтва, і сястрычаства. Толькі пасля, калі дом нарэшце пабудавалі, многія ўпэўніліся, што гэта была добрая ідэя, бо цяпер нам было ўжо нашмат лягчэй будаваць царкву. Цяпер вось будуем туалет, дык кажуць, нібыта гэта я будую дачцэ дом. Дык калі што, у мяне яшчэ двое, то і ім ужо трэба «будаваць».

Сёння я ні ў якім разе не займаўся б гэтымі «вагоннымі» справамі. Цяпер куды больш разумна пабудаваць часовы храм: скласці з газасілікатных блокаў або паставіць зруб. Будаўніцтва, канечне, стала куды даражэйшым, але і сродкаў з'явілася больш. На перабудову вагончыка гэтых сродкаў, сіл і часу траціцца ў наш час значна больш, чым пры будоўлі.

Нядаўна я быў на адным царкоўным аб'екце, які будавала падрадная ўстанова. Але столькі недапрацовак у нас, дзе будавалі не спецыялісты, і блізка няма. Таму галоўнае – сумленне, жаданне і стараннасць. Але на першым месцы сумленне.

Міны часоў Вялікай Айчыннай, артылерыйскі снарад, граната — гэта ўсё тое, што мы знаходзілі ў працэсе будаўніцтва. Ламалі ногі, рукі, абпальвалі твары — усё было. Але калі бачыў нашых жанчын васьмідзесяці гадоў, якія бралі ў рукі сякеру і па-майстэрску спраўляліся з жэрдкамі, абрубаючы сучкі, аскурваючы лес, я разумеў, што мы ўсё здолеем. Пятнаццаць вагонаў цэглы, разгрузкі і перакладанні… Калі бачыш, што ў гэтым ўдзельнічае жанчына, пакінеш у памяці надоўга. Пакінеш і зразумееш, што толькі тое, што даецца так няпроста — праз пот, слёзы і кроў, — стане для цябе на самай справе родным. Я хачу верыць, што такія храмы не будуць разбурацца ці зачыняцца, бо яны ўзводзіліся ўсімі, разам, сваімі рукамі. Калі б, напрыклад, хто-небудзь здаў храм «пад ключ» і сказаў: "Вось вам ключ, ідзіце і маліцеся", думаю, доўгі час такі храм быў бы незапатрабаваны. Сёння я бачу, што прайсці ўсе этапы ад стварэння абшчыны і малітвы ля крыжа цэлы год пры любым надвор'і да асвячэння храма разам — неабходна. Гэта тыя складнікі, без якіх няма царквы нябачнай — той, якая павінна пабудавацца ўнутры кожнага чалавека.

Я лічу, што фармальны падыход да здзяйснення трэбаў і асабліва таінстваў паступова павінен зысці на нішто. Мы зараз робім ўсё, каб акрэсліць кола нашых прыхаджан: рассылаем віншаванні, запрашэнні, просім, каб яны падтрымалі розныя нашы праекты па ўладкаванні храма. Ёсць надзея калі-небудзь прыйсці і да таго, што ёсць сёння, напрыклад ў Польшчы і Сербіі, дзе храмы маюць спісы сваіх прыхаджан. Калі кожны прыход будзе дзейнічаць у сваіх межах, і святар будзе ведаць вернікаў, то і пытанне з прафанацыяй можа вырашыцца. У Сербіі, скажам, за кожным святаром замацаваны вызначаныя вуліцы і дамы. Гэта таксама нармальна, як нармальна і тое, што за вуліцамі замацаваны доктар тэрапеўт.

Мой святы — мучанік младзенец Гаўрыіл. Я ўвогуле лічу, што кожнага, хто жыве ў Гродна, гісторыя гэтага святога павінна многаму навучыць. Здаецца, што мы — тыя, хто, валодаў такім вялікім падарункам як мошчы Святога — праз сваё няведанне, нешанаванне мусілі страціць гэтую святыню. Так, згаджаюся, што перамагла гістарычная праўда, і мошчы Святога вярнуліся на яго радзіму. Так, я вельмі рады за праваслаўных Польшчы, якія здабылі сваю святыню. Але я лічу, што кожнаму з нас варта задумацца і пра тое, што святыня ўсё ж такі пакінула наш горад. А гэта адбываецца толькі тады, калі людзі не шануюць патрэбным чынам сваіх Святых. У гонар Святога немаўляці Гаўрыіла асвечаны наш ніжні храм. Хоць як-небудзь мы паспрабавалі асвяціць прастол дзеля таго, каб помніць пра адну заканамернасць: як толькі людзі перастаюць шанаваць свае святыні, яны гінуць. Не важна, чыімі рукамі, але Гасподзь дапускае разбурэнне храмаў там, дзе заканчваецца вера, набожнасць і шанаванне Святых.

ПРА СВЯТОЕ І СВЕЦКАЕ

Усе новыя храмы знешне падобныя адзін да аднаго. Размова не пра архітэктуру, але пра тое, што ўсе яны неяк аднолькава ўспрымаюцца тымі, хто прыйшоў «на гатовенькае». Прыступкі да гэтых храмаў глянцава і востра ззяюць на сонцы, нібыта водная роўнядзь. У падлозе адлюстроўваюцца прыхаджане, змешаныя з жоўтым святлом электрычных свечак жырандолі. Сцены мінімалістычна белыя. Яны ніколі не зліюцца тут з іканастасам і абразамі і, без намёку на фрэскі, будуць існаваць самі па сабе. Прастор у новых храмах, здаецца, арганізаваны толькі на тры-чатыры метры ў вышыню, далей — беласць і пустэча, прыглушэнне патэнцыялу велічы. А яшчэ ў іх няма такіх малітвенных куточкаў, дзе якога-небудзь сціплага верніка можна і не заўважыць — храмы нейкія адкрытыя, агульныя. Таксама ж мне адчулася і тут, калі, прыйшоўшы «на гатовенькае», я стаяла ў чаканні беларускамоўнай Літургіі. Было цікава, як аб'ядноўваюцца гэтыя нівізна і мова. Але ўсё па парадку.

У гонар Вялікіх Невядомых

Умоваю мецэнатаў з самага пачатку было тое, што храм пабудуецца ў гонар якой-небудзь беларускай святыні. Хутка да гэтага жадання дадалося і рэальнае вырашэнне — блаславенне мітрапаліта Філарэта на стварэнне храма ў гонар Сабору Усіх Беларускіх Святых.

Жыццё паказала, што гэта было зроблена своечасова і па неабходнасці, таму што мы, на жаль, не ведаем сваіх святых. Тых, якія з'яўляюцца нябёснымі заступнікамі менавіта для нас — для людзей, якія жывуць у Беларусі. А з ўсяго ліку гэтых святых не ведаем найперш навамучанікаў, забываемся пра тое, дзякуючы каму будуюцца сёння храмы.

І сапраўды забываемся, бо нялёгка адразу зразумець і прыняць шчыра ў душы невядомую дагэтуль святыню. Тым больш, калі за дваццаць з невялікім гадоў колькасць беларускіх святых узрасла ад чатырнадцаці да сямідзесяці дзевяці. Вінаватыя тут нашая гістарычная неадукаванасць і жорсткасць, а папросту — мы самі. Таму і шлях ад нешанавання адзін — асабістая цікаўнасць да тэмы, тым больш, што вытокаў для гэтых ведаў досыць. Чаму яны застаюцца незапатрабаванымі, кожны хай адкажа сам.

Яшчэ адна незапатрабаванасць

Звестку пра будаўніцтва храма ў гонар Беларускіх Святых прынялі даволі радасна, і каб падтрымаць гэтае пачынанне, айцец Анатоль пачаў размаўляць па-беларуску. Так працягвалася два гады. «Я б і цяпер з задавальненнем размаўляў на белурускай мове, але мне не хапае сілы волі», — прызнаецца бацюшка. «Калі выходзіш на пропаведзь і трэба сказаць слова, міжволі наступаеш сабе на горла».

Гэтае няшчасце характэрна для большасці святароў у храмах, дзе службы час ад часу праводзяцца па-беларуску. Тым не менш, у храме ў гонар Сабору Усіх Беларускіх Святых так служаць у трэцюю нядзелю месяца.

Згаджаюся з усімі довадамі супраць: гэта і нетрадыцыйна, і цяжка для святароў, і многім не падабаецца. Але, я лічу, мы павінны вырашаць тыя прабелы набажэнскай мовы, якія ўзнікаюць альбо адаптаваць царкоўнаславянскую мову настолькі, каб яна была зразумелай, і вернікі ўспрымалі яе на слых, альбо служыць па-беларуску. Фактычна людзі пачалі нарэшце разумець пра што мы молімся, скажам, пра добрае надвор'е... Я не кажу, што гэта павінна быць паўсюдна, але там, дзе людзі хочуць маліцца на роднай мове, у іх павінна быць такая магчымасць.

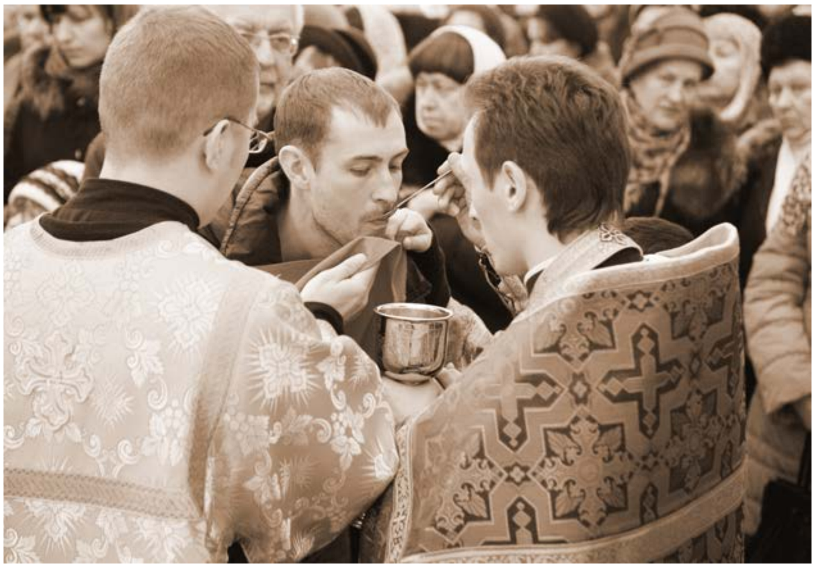
Ды і мне не хацелася б, каб сёння каталіцкі касцёл здаваўся ўвасабленнем беларускай нацыянальнай ідэі. Ці ж гэта так? — Не. Але ўсюды пра гэта гавораць. Калі ксёндз-паляк у стане вывучыць мову, то няўжо святар-беларус не можа гэтага зрабіць?

Зразумела, што праблема не ў мове, праблема — у Хрысце, бо іншым патрэбна мова і не патрэбен Хрыстос. Але нават для тых, хто прыйшоў у храм за моваю, я б служыў. Бо гэта далёка не горшыя людзі — у асноўным інтэлігенцыя. Гэта трэба ўлічваць, тым больш, што на тое ёсць блаславенне.

На беларускамоўным набажэнстве ў храме ў гонар Сабору Усіх Беларускіх Святых я была ўжо пасля размовы з айцом Анатолем. Выйшаўшы з храма, адчувала — нешта ў маёй галаве не суадносіцца. І вось толькі тады, калі пачала пісаць гэты артыкул і праслухала нанова запіс нашай гутаркі, дэталькі пазлу нарэшце складаліся — я растлумачыла сваё пачуццё. У гутарцы між іншым пачулася: «Цяпер нам ужо не скажуць: чаму вы не служыце? Наадварот, ужо мы можам сказаць: чаму вы не ходзіце?» Не, храм быў поўны, бо ніхто не стане пытаць, на якой мове сёння Літургія, вось і ўсё. Так, многія прыйшлі за Хрыстом, але ці была патрэбна мова хоць крышку? Калі не, то гэта бяда не царкоўная, гэта бяда свецкая.

Для мяне мова – гэта адзін з асноўных складальнікаў нацыі, тое, без чаго нацыя загіне. Усе нашыя праблемы ў гэтым плане ў тым ліку і з-за мовы. Вось літаральна ўчора размаўляў з жанчынай, якая жыла тут пры паляках. Яна распавядала, што дома тады ўсе размаўлялі па-свойму, а на вуліцы ці ў школе – выключна па-польску. Разам з тым, большай знявагі і нават нянавісці, чым з боку польскага насельніцтва, яна ў жыцці ніколі пасля не адчувала. Нават у сібірскай ссылцы пры саветах да беларусаў адносіліся лепш. Калі мы, беларусы, не станем пра гэта думаць, то зноў прыйдзецца быць альбо пад аднымі, альбо пад другімі.

У храме многія адносяцца да мовы з паразуменнем. І гэта выдатна. Мая матушка, якой раней было вельмі цяжка, прывыкла нават. У хаце мы Пісанне чытаем на беларускай мове. Ну, канечне, не з такой вялікай радасцю, але вось цяпер даў яшчэ і на рускай, дык з вялікім задавальненнем шуруюць (усміхаецца).

Пасляслоўе

Храм, відаць, найлепшая справа ў маім жыцці, хоць і не зусім яшчэ доўгім, аднак... лепшай, відаць, ужо не будзе. Хаця, часам, робіцца неяк не вельмі весела. Часта бачыш, што храм не запатрабаваны ў той ступені, у якой павінен. Хоць, здавалася б, ёсць усе умовы —ё яны прыгожыя, адрамантаваныя, цёплыя, ёсць святары, што называецца, на любы густ. Занадта добра, але я не заўважыў, каб гэта дало вялікі эфект. Не ведаю, у чым справа. Можа стацца, справа ў тым, што прайшло яшчэ мала часу. Мне пашанцавала, што я бачу плён знешні, але абсалютна зразумела, што галоўная мэта — пабудаваць унутраны храм. Але чалавеку патрэбны радасці нават знешнія — глядзець і бачыць, што яно добра. А вось сапраўднага плёну ад таго, што мы робім сёння, на свае вочы, думаю, мы не убачым — ён з'явіцца гадоў праз трыццаць-сорак.

Не ведаю, якія цяпер «спецэфекты» патрэбны ў царкве, каб у ёй было многа сапраўдных вернікаў. Бачым, калі няма класічных «спецэфектаў» у выглядзе вады, яблыкаў, яёк ці вярбы, то і вернікаў параўнальна няшмат. Наколькі ж гэтыя «вернікі» змяняюцца ўнутры цяжка сказаць. Мяркуючы па тым, колькі людзей кожны пост прыходзіць у нядзелю на Прычашчэнне і Споведзь, надзея ёсць, бо гэта колькасць павялічваецца. Калі ж па тым, колькі вернікаў моліцца на ўсяночнай у суботу, то тут пытанні застаюцца, бо гэта колькасць памяншаецца. З другога боку і храмаў усё больш. У Гродна ніколі не было столькі. Таму, у нас не павінна быць ні галавакружэння ад поспехаў, ні адчаю, а толькі светлае спадзяванне, што храмы, якія пабудаваны і будуюцца, будуць запатрабаваныя і прынясуць добры духоўны плён.

І вось яшчэ: я ніколі не служыў столькі падзячных малебнаў, як цяпер. Значыць, не толькі ў горы, але і ў радасці людзі гатовыя прыйсці.

БАТЮШКА

Приниженное положение, которое занял человек в данном состоянии природного мира и данной планетной системе, ничего не говорит против его центрального положения в бытии, против той абсолютной истины, что человек есть точка пересечения всех планов бытия.

Николай Александрович Бердяев «Смысл творчества» Глава II, Человек. Микрокосм и макрокосм

СВЯЩЕННИК ИГОРЬ ВОЛОШИН

ОТ АКРИВИИ ДО ИКОНОМИИ

можно ли отказать в отпевании невоцерковлённого человека?

"Любое воспитание может включать как разъяснительные, так и запретительные меры. Если не действуют разъяснительные, то приходится применять запретительные. Это аксиома педагогического процесса."

Стоит ли отпевать людей, которые не были живыми членами Церкви? Нужно ли потакать прихоти тех, кто хочет использовать храм, как бюро ритуальных услуг? Мнения по этому поводу варьируются от полного запрета до совершено либерального отношения или, выражаясь православной терминологией, от акривии до икономии.

Любовь или вседозволенность, любовь или безразличие, любовь или попустительство? Отпевая номинальных христиан, мы уподобляемся директору школы, который даёт аттестаты ученикам, которые первый раз пришли в школу 1 сентября на первый звонок, а второй раз за аттестатом.

Во время отпевания священник в молитве именует усопшего «чадо». Какое же это чадо, если его батюшка первый раз в жизни видит, и то в гробу! Ведь храм Божий — не морг с Крестом.

Здесь можно возразить: эти люди пришли в храм, нельзя им отказывать в отпевании, можно использовать этот шанс, чтобы рассказать им о Христе, таинствах, смысле жизни. Выгонять, конечно, нельзя. Но, если отказать в отпевании, то они точно будут знать, что до воцерковления христианами они не являются и от спасения добровольно отказываются.

В храме ведь не причащают всех подряд — каких-нибудь случайных визитёров, понимая какой вред можно нанести человеку, не подготовленному к этому Таинству.

Если человек, пусть даже аморфно веровал, но не был членом Церкви, имеем ли мы право противостоять его выбору и нести тело в храм на отпевание Церковью, от таинств которой он при жизни отказался сам? Ведь даже Бог не заставляет нас идти в храм, не насилует нашу волю. Почему просто не оставить судьбу этого человека на суд Божий?

Пока к Церкви будет отношение как к «комбинату ритуального обслуживания» (треба в обмен на деньги), никто и не станет разбираться ни в сути Церкви, ни в сути Её таинств. «Захожане» будут уверены, что они всё делают правильно, верят «без фанатизма».

Мы должны нести людям чистоту веры, а не потакать обрядоверию. Ведь как часто сталкиваемся с таким отношением: «Нам некогда молиться, у нас дела, а вы — попы, — отпевайте, мы вам деньги за это платим».

И если станет очевидным, что в храме «услугу» не получить, то люди задумаются, и скоро будут понимать, как нужны усилия в духовной жизни. Понимать, что Бог насильно никого не спасает, что необходима вера, воплощённая в поступках, а не энная сумма рублей в кармане.

Люди должны знать, что Церковь открыта для всех, но никого в рай не определяет. За усопших никто не запрещает молиться келейно, тем более что отпевание — это молитва Церкви за своих членов, а не «пропуск в рай». Если родственники хотят этой молитвы, то пусть становятся «членами Тела Христова». А то получается, что: «Нам ваша Церковь не нужна, но вы обязаны нас обслужить». А мы им: «Всё хорошо, главное не обижайтесь, обслужим по высшему разряду, ничего от вас, кроме пожертвований, не требуется». Это не правильно.

Можно примерно так сказать человеку, который просит отпеть усопшего человека далекого от Церкви: «Вашему (отцу, матери, знакомому) сейчас очень нужна молитва. Вы можете помочь ему, об этом говорит опыт Церкви. Более того, кроме Вас ему и некому помочь, так как он уже завершил свой земной путь, а членом Церкви не стал.

Бог хочет, чтобы, как сказано в Священном Писании, «всем спастися, и в разум истины приити». Спасение же, по воле Бога, совершается в Церкви Христовой. К сожалению, Ваш родственник не был членом Церкви, и мы не можем, вопреки его воле, пытаться воцерковить его после смерти. Отпевание — это не услуга для любого желающего — это молитва Церкви о своём члене. Итак, есть только один выход — Вам стать живым членом Церкви, от Её имени и вместе с Ней радеть о спасении Вашего родственника. Ваша любовь станет умножать любовь Вашего родственника. Мы готовы помочь Вам начать духовную жизнь, научить молитве, помолиться за Вашего родственника келейно, а чтобы молитва была действенной, нужно пересмотреть свою жизнь, вернуться к истинным ценностям».

Мы должны проявлять максимум такта и уважения к каждому приходящему в храм, тем не менее, это не должно быть заигрыванием. Даже отказать в чём-то нужно таким образом, чтобы человек понял, что это не мы его гоним, а он ещё к чему-то не готов, ему требуется приложить усилие.

Людям нужно сначала предложить начать духовную жизнь, воцерковиться. Забота и внимание к людям, наряду с требовательностью, и будут являться любовью.

ИГУМЕН ДАНИИЛ (ИРБИТС)

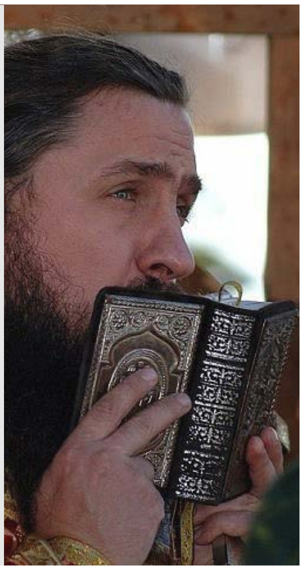
С одной стороны, невоцерковленный или отпавший фактически от Церкви человек, не имеет к ней никакого отношения. Отпевание же — это молитва Церкви за умершего. Как Церковь может молиться за того, кто фактически к ней не принадлежал?!

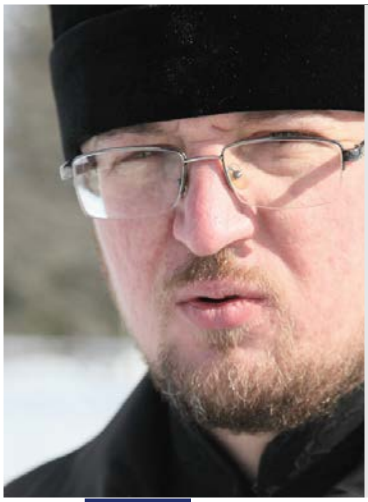
С другой стороны, в целях домостроительства Божиего, надо проявлять христианскую любовь к тому, кто крещён — в первую очередь. Если он невоцерковлён (но крещён) тем более, если это старый человек, надо отнестись к этому с пониманием. Ведь многие родились и выросли в коммунистическом прошлом.

А наш долг как христиан — молиться за наших ближних, особенно за тех, кто уже за себя самих помолиться не может.

ПРОТОИЕРЕЙ ВАДИМ КАЧАЛОВ

Некогда приснопоминаемый Ракитянский старец Серафим (Тяпочкин) на вопрос: «Можно ли отпевать человека, который не ходил в Церковь?» — ответил: «Если он был крещён, то можно». Мое мнение совпадает с мнением праведника.

ПРОТОИЕРЕЙ ГЕОРГИЙ РОЙ

Я считаю, что нужно отпевать, потому что мы не знаем внутренней жизни человека. Не все, кто ходит в храм, попадают в Царство Небесное, и в то же время не все, кто не ходит, безоговорочно обречены. Это Суд Божий, у нас нет возможности заглянуть в сердце человека. Совершить чин погребения, значит проводить человека по-человечески. Кроме того, появляется возможность сказать слово родственникам почившего. Смерть близкого человека очень глубоко трогает его родных, и если человек в своей обычной жизни бывает закрыт для вопросов о вечном, то в момент смерти любимых людей сердце и мысли открываются. Пренебрегать этой возможностью было бы неверно с пастырской точки зрения. Что значит отказать человеку в отпевании? Это значит, что вся его семья затаит обиду на Церковь. Если мы будем так поступать, то потеряем много людей.

ИЕРОМОНАХ МАКАРИЙ (МАРКИШ)

Давайте, во-первых, уточним уклончивый неологизм «невоцерковленный» в более конкретных и понятных терминах: неблагочестивый, нераскаянный грешник, лицемер, без оснований называющий себя православным.

И, во-вторых, вспомним молитвы, составляющие чин православного погребального богослужения («отпевания»), например, такие:

<< Небесного пребывания, раздаяния дарований, сподоби, Господи, прежде усопшего верного раба Твоего.
...В вере усопшего прими, ныне воспевающего и глаголющего: «Благословен еси Боже отец наших».
Христос тя упокоит во стране живых, и врата райския да отверзет ти, и Царствия покажет жителя, и оставление грехов тебе даст, имиже согрешил еси, христолюбче!
Блажен путь, воньже идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения! >>

Или эти слова разрешительной молитвы, которые священник с уверенностью произносит над открытым гробом:

<<аще... некиими грехи яко человек связан бысть, но о всех сих сердцем сокрушенным покаяся...>>

Или эти слова Самого Спасителя из евангельского отрывка:

<<...И изыдут сотворившие благо в воскрешение жизни, а сотворившие зло в воскрешения суда>>

Тем самым ответ на поставленный вопрос становится ясен сам собою.

ИЕРЕЙ МИХАИЛ ГАПОНЕНКО

Для того чтобы объяснить человеку, почему священник отказал в отпевании невоцерковленного родственника, лучше всего спросить об этом у самого священника. Ведь причин может быть много. Но, как мне кажется, отказывать в отпевании имеет смысл только в том случае, когда человек либо не крещён, либо сознательно не являлся членом Православной Церкви (например, состоял в неправославной общине), либо прямо перед смертью выказывал нежелание совершения церковного погребения, был активным безбожником, или закончил жизнь самоубийством. В наиболее часто встречающихся случаях, когда усопший крещён, но не жил церковной жизнью по различным причинам, отпевание может выглядеть некоторой формальностью. Но, всё же, в этом случае не стоит отказываться от совершения чина погребения, прежде всего по причине миссионерской. Ведь это возможность обратиться к людям со словами о вечной участи всех нас, о молитве за усопших, об исправлении своей жизни и примирении с Богом. Вполне вероятно, что многие из родных этих слов никогда не слышали. Кроме этого, по мере участия родных в молитве, Дух Святой обязательно подаст им утешение — и это тоже очень важно.

ИЕРЕЙ СВЯТОСЛАВ ЕВТУШИК

Если человек при жизни не ходил в храм (а вернее, не хотел ходить — это ему не было нужно), то и мертвое безвольное тело насильно не нужно нести в храм. Человек при жизни сам делает свой выбор, и после смерти не нужно этот выбор нарушать. Но так как человек был крещён в Православной Церкви, то мы (вместе с родственниками) должны молиться о его упокоении, чтобы Господь по нашим молитвам и нашей вере облегчил загробную участь души покойного. Поэтому я приглашаю всех родственников придти в храм в день похорон и помолиться на панихиде об упокоении души.

ПРОТОИЕРЕЙ ИЛИЯ АМБАРЦУМОВ

Считаю недопустимым отказывать в отпевании невоцерковлённым. Вот мои аргументы - в таком поступке присутствует гордость и наглость преждевременного суда над душой, отсутствие любви, тщеславное превозношение своими якобы пророческими дарами, давшими знание о якобы точно установленной гибели души и якобы точно установленном отсутствии покаяния перед смертью; в отказе своим по вере этой последней милости содержится противоречие Евангелию, где говорится о любви ко всем, а особенно к христианам, к своим по вере... Даже присутствие такого вопроса свидетельствует о том, как низко мы пали в закоренелом законничестве и фарисействе. Боже мой, неужели кто-то воображает, что совершаемое им отпевание имеет такое решающее значение в судьбе другого человека, что может кардинально решить его участь. Бог будет судить, взыскивая строго каждый день, и никакое отпевание этого не может заменить. Но мы обязаны оказать милость, которую не запрещают каноны. Суд без милости, сказано в Евангелии, не оказавшему милости, милость превозноситься над судом! Не судите, да не судимы будете!

ИЕРЕЙ ВЯЧЕСЛАВ ГАПЛИЧНИК

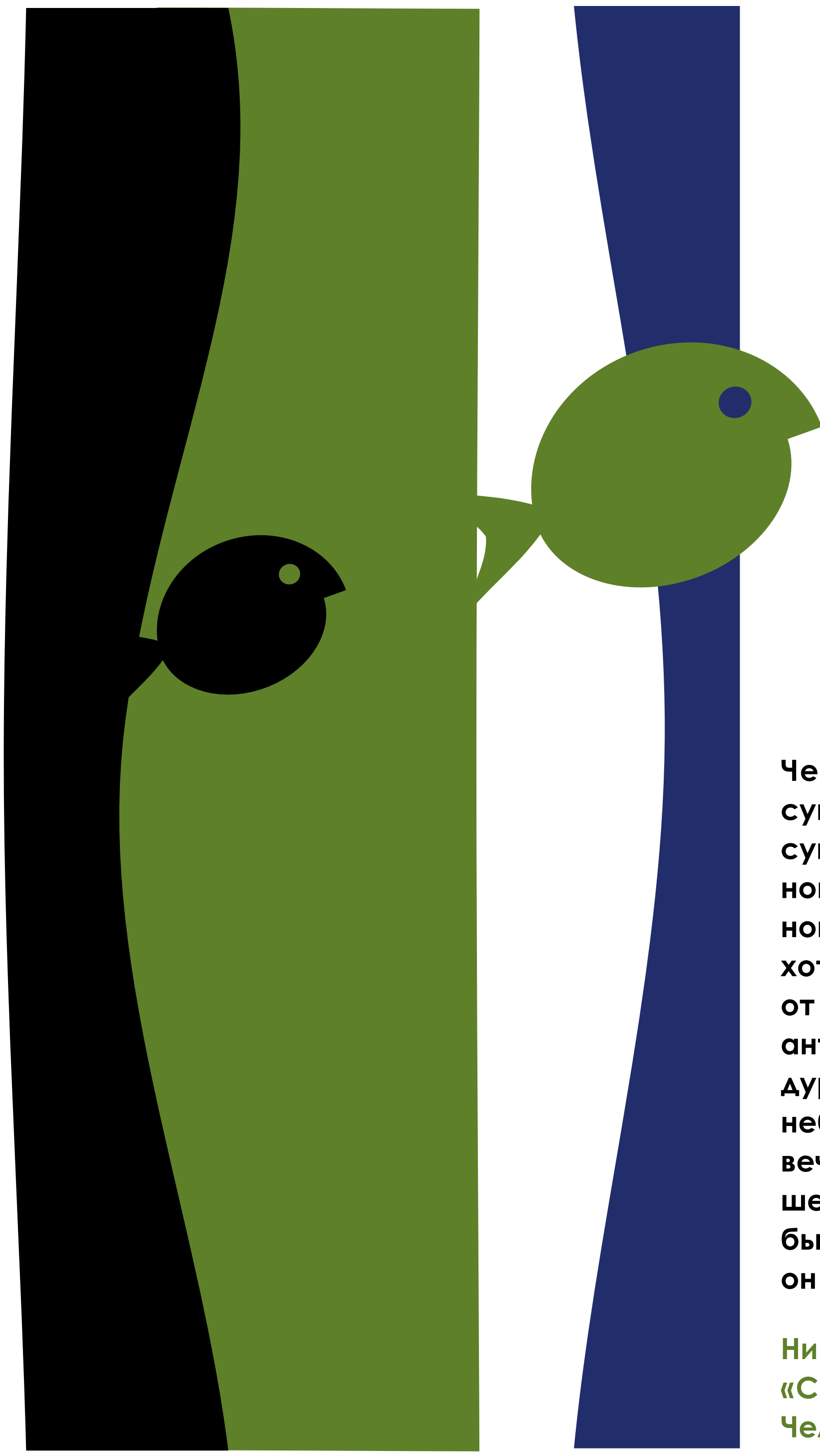
Я считаю, что у нас редко бывают такие ситуации, когда следует отказывать в отпевании. Прежде всего, это случаи явного богоотступничества и публичного заявления о своем неверии в Бога. Если человек не ходил в храм, но был крещён, считал себя православным христианином и хотел, чтобы его отпевали — чин можно совершать. Думаю, необходимо разработать чин погребения нецерковных людей. В наших требниках ведь есть чин погребения инославных, чин молитвенного утешения сродников самоубийц, почему не определиться с чином погребения людей, не участвовавших активно в церковно-приходской жизни. Наверное, здесь важно следовать принципу: «Лучше перемилостивить, чем недомилостивить».

ИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР ГУК

Мне кажется, что священник сегодня не должен отказывать в отпевании невоцерковлённого. Сейчас большинство отпеваемых не воцерковлены как следует, но мы их отпеваем по ходатайству сродников. Другое дело, если усопший занимал позицию индеферентную или тем более враждебную Церкви Христовой. В таком случае, действительно, священник вправе отказать в отпевании: во-первых, потому что в отпевании есть такие слова как «егоже от земли преставил еси ВЕРНОГО вечных благ получити сподоби» или «оправдав ВЕРОЮ и благодатию», «раба твоего ВЕРНО отшедшего в сладосте райстей всели» и т.п. А во-вторых, «за уши» в Царствие Божие не затащишь.

ЗА ЖИЗНЬ

Человек не только природное существо, но и сверхприродное существо, существо божественного происхождения и божественного предназначения, существо, хотя и живущее в "мире сем", но "не от мира сего". Этот абсолютный антропоцентризм, побеждающий дурную бесконечность звёздного неба пребывающей в человеке вечностью, не может быть сокрушен никакой наукой, как не может быть никакой наукой обоснован — он вне досягаемости науки.

Николай Александрович Бердяев «Смысл творчества» Глава II, Человек. Микрокосм и макрокосм

СВЯЩЕННИК АНТОНИЙ СЕМИЛЕТ

В ЧЁМ «БРАК»?

рассуждение о семейной революции XXI века

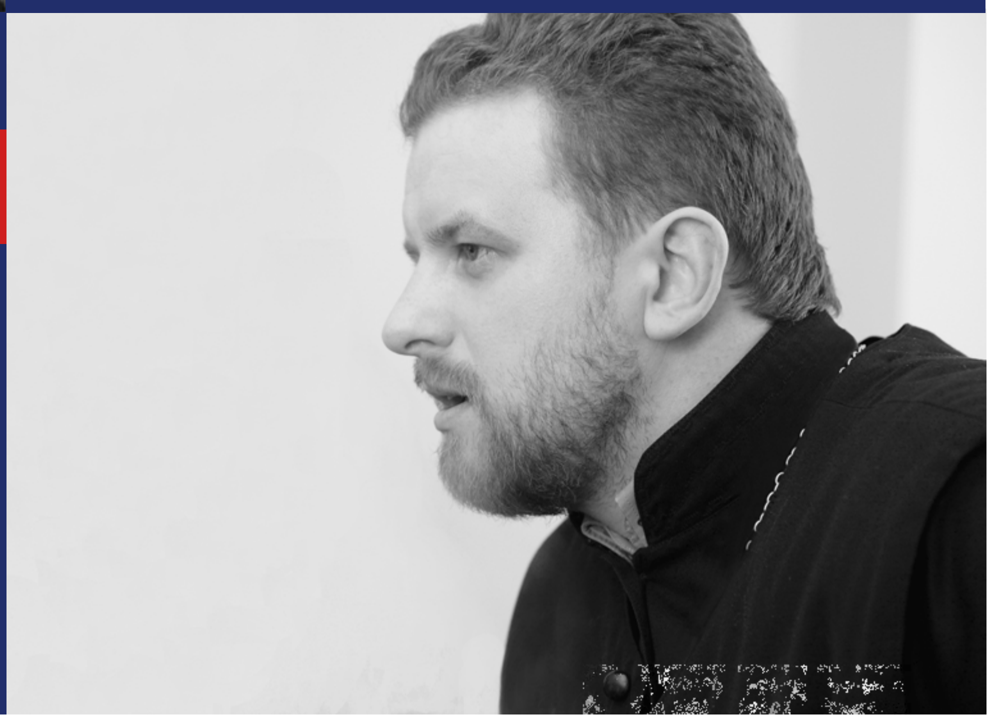
ЕЛЕНА КОСТЮЧЕНКО

Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии. Область научных интересов — семейная психология и психотерапия, психология отклоняющегося развития, кризисная психология.

ИЕРЕЙ АНТОНИЙ СЕМИЛЕТ

Настоятель храма Успения Пресвятой Богородицы д. Котёвка.

Главный редактор журнала “ПОКОЛЕНИЕ”

«Мне с ним хорошо и так. Он меня любит, я знаю точно».
«Зачем эти формальности. Ведь мы хотим быть свободными».
«Если расписываться, венчаться, то это ж навсегда!»

НЕВЕНЧАННАЯ СВОБОДА

«Мне с ним хорошо и так. Он меня любит, я знаю точно».
«Зачем эти формальности. Ведь мы хотим быть свободными».
«Если расписываться, венчаться, то это ж навсегда!»

Извечные слова «бескольцовых супругов» с «магазинным» мышлением. Семья для них как торт в супермаркете: выбрал на прилавке посвежее, купил. По истечении «срока годности» остатки выбросил, купил новый. Такая «философия» рассматривает брак без зазрения совести через призму личного комфорта и удовольствия. Попользовался и всё — пора обновить. Обновить чувства, обновить партнёра, сменить, что называется, обстановку. И опять — зашёл, купил, использовал. Это ли свобода!? Не думаю. Скорее страсть.

Свобода же подлинная рождается в риске. В риске быть познанным другим или другой. Кто готов в наше время к открытости? Теперь больше масок, чем лиц. Личность прячется от себе подобной, опасаясь, что её узнают. Открываясь другому, ты отдаёшь себя и свой личностный мир на его суд. А на такой шаг не всякий готов. Есть страх, что тебя не поймут. Или что твой мир другому не понравится. Гордость действует в данном случае моментально, создавая в мыслях человека иллюзию самодостаточности. Мне не нужен другой — я полон(а) сил для самореализации как личность.

Делясь своим миром с другим, в тоже время ты получаешь обратно мир этого другого, обогащая свою душу. Вот почему связь мужа и жены в Браке характеризуется апостолом Павлом как связь Церкви с Христом. Главное — диалог, общение, которое делает твой мир богаче, твоё мировоззрение и понимание жизни правильными, цельными. Вступая в брачные отношения, ты обещаешь сохранить полученный от супруга мир личности. Но в то же самое время эта двойственность не нарушает твоей индивидуальности, отличительности, твоей природной особенности. Эта двойственность приводит к единству.

комментарий психолога

Господствующая ныне эпоха постмодернизма предполагает отказ от каких-либо жестко закрепленных правил, норм функционирования общественных институтов, в том числе и семьи. К сожалению, сегодня действительно появляется множество различных вариантов семьеустройства, в том числе и гражданский брак.

Однако появление альтернативных форм семейного функционирования ни в коей мере не должно означать исчезновение традиционной модели семейной жизни. Несмотря на то, что в среднем возраст вступления в брак становится больше, молодые люди, образующие семьи, часто являются неготовыми к семейной жизни. К этому приводят инфантилизм и эгоизм. Часто каждый из молодых людей вкладывает в понятие «семья» разные смыслы, несовпадение которых часто приводит к разочарованию в браке и, как следствие, к разводам и смене партнера.

МНОГОДЕТНАЯ СВОБОДА

Я сам многодетный отец, и потому для меня семья — это, как говорит мой сынишка Фаддей, «Когда много: папа, мама, братик Тихон, Илария, бабушка и все». «Много» в нашей семье признак качественный. Для нас «много» означает хорошо. Жаль, что большой мир вокруг нас часто думает по-другому.

Надо ли кого-то пугать статистикой, чтобы показать, что семейная идиллия не модна? Честно ответьте себе, чего больше в нашей общественной действительности: терпения или разводов, любви или эгоизма. Почему убийство в утробе матери укутывают со всем вниманием в обёртку человеколюбия, а стремление молодых рожать (и не двух!) воспринимается как что-то удивительное?

Есть те, кто уверен, что дети делают родителей рабами своих прихотей. Эта идея хороша для гуманизма и всех из него вытекающих «свободоизмов». Ими так легко оправдать собственный эгоизм, желание быть рабом для себя. О Боже мой! Ну разве мешает мне быть редактором журнала мой многодетный лагерь? Неужели я не свободен?

Я — свободен! Свободен от безделья, лени и саможаления. Свободен от невозможности увидеть себя в детях, увидеть своё будущее, живя в настоящем. Я «раб» любви к себе в детях. О, как же я радуюсь этой «несвободе».

комментарий психолога

Говорить о том, что институт семьи теряет сегодня свою актуальность, не совсем правильно. Дело в том, что семья остается самым стойким социальным институтом: она существовала во все времена и, хочется надеяться, что будет существовать и в дальнейшем. Современное общество пропитано идеями индивидуализма, а это предполагает примат собственных интересов, ценностей над коллективными, часто и семейными в том числе. Однако нормально функционирующая семья часто оказывается единственным местом, где человек чувствует себя принятым и понятым.

Решение вопроса о количестве детей в семье является делом двоих: мужа и жены. Говорить о том, что существуют какие-то существенные общественные рычаги, влияющие на этот выбор, довольно сложно. Часто сегодня приходится слышать: «Вот платили бы больше — рожали бы охотнее». На самом деле это большое заблуждение. Не материальный фактор является определяющим.

НЕРАВЕНСТВО В ЛЮБВИ

Семья — это опыт неравенства в любви. Не могут быть равными муж и жена, дети и родители, у каждого есть своё пространство с границами ответственности. Апостол Павел, говоря о взаимоотношениях мужа и жены, детей и родителей, отмечает их принцип — повиновение в страхе Божием (Ефесянам 5,21-6,4). Муж главенствует над женой, заботясь о ней и детях, жена в уважении повинуется мужу, принявшему на себя эту заботу, всячески ему помогает; дети повинуются родителям, как того требует закон Бога, родители же в терпении и уважении воспитывают детей. И в том свобода. Свобода всегда там, где есть границы ответственности. И у каждого свой, ему присущий коэффициент неравенства ответственности.

Представьте себе, что произойдёт, если в семье все по обязанностям и правам станут равными. Тогда семья превратится в реализацию системы прав человека — такой мирок, где каждый «качает права». Ювенальная юстиция, гендерное право, права сексменьшинств и «большинств» — детища системы «качания прав». Скажите, ребёнок, свободный от заботы родителя, разве не называется сиротой? А как назвать свободу от половой самоидентификации? Разве не мутацией? А секс-свобода разве не называется шигеллез гомосексуалистов, СПИД и прочие хламидии?

А с другой стороны – любовь детей к родителям, родительская любящая строгость и неравнодушие к тому вопросу, кем вырастет их ребёнок. Желание видеть себя принадлежащим к естественному полу, дарованному тебе Богом и родителями. И, конечно же, жизнь без СПИДа и иже с ним. Такому выбору учит семья, где есть неравенство, воспитывающее свободу.

комментарий психолога

Психологам известны случаи, когда причиной развода становится «стремление к свободе» одного из супругов. Данное явление имеет много причин, и каждый случай должен быть предметом особого анализа совместно со специалистом. Лучше всего если это будет семейный психолог. Кроме того, психологи выделяют особый тип семей, которые называются разобщенными. В таких семьях каждый из супругов в наибольшей степени ценит собственный индивидуализм, личную свободу.

СЕМЕЙНОЕ БРАТСТВО

Есть ещё одна проблема нашего общества — обыкновенная лень. Человеческая лень, которая, как вода, проявляется там, где пусто и низко. Большинство браков, которые плавно перешли в разводы, заключалось в непонимании того, что семья — это не санаторий, где каждый день то процедуры, то отдых. Семья — это работа. Каждый миг совместной жизни мы можем заработать своим трудом. Имя этому труду — жертвенность. Братство не существует без самоотречения.

В том случае, если хотя бы один из участников семейной жизни пренебрегает главным принципом любого братского общежития, то речь уже не о семье, речь о совместной площади и договоре на имущество, гарантирующем сторонам безболезненный развод. Основание семьи заложено в жертвенности. Мы жертвуем своим эгоизмом, комфортом ради престарелых родителей, играющих детей, уставшего супруга…

А чем жертвуете вы? Когда делали это последний раз? Ведь если каждый житель нашей прекрасной страны пожертвует собой хотя бы раз в день, то верю — общество начнёт меняться.

А ваши дети знают, что значит пожертвовать собой ради своего близкого, родного? Святые отмечают, что нельзя научиться евангельской любви к окружающим, не воспитав в себе прежде жертвенной любви к родным. Семья — это тренажёр, на котором мы можем и должны укреплять свои духовные силы.

комментарий психолога

У психологов своё отношение к понятиям жертва и жертвенность. Применительно к семейной жизни важнее всего использовать другие понятия, например, доверие, уважение, сочувствие, сопереживание, содействие, сопонимание. Они имеют несколько иной контекст, чем категория жертвы. Однако это то, на чём основываются отношения в полноценных и гармоничных семьях.

МЫ РОДИЛИ ЕЁ ВМЕСТЕ

семья Буй о совместных родах

Независимо друг от друга мы решили поделиться своими впечатлениями о рождении нашей второй доченьки. Для нас это были первые совместные роды, которые изменили нашу жизнь…

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПАПЫ

Совместно рожать — это нечто гораздо большее, чем просто быть рядом, когда жена рожает. Можно от основания строить собственный дом, а можно быть помощником каменщика. В первом случае — это и подготовка проекта дома, и личное участие в каждом этапе строительства, и, конечно же, огромное чувство удовлетворения от сделанного своими руками. А во втором — отсутствие полного понимания происходящего и постоянные замечания из-за неумелой работы. Любому мужчине первый вариант покажется привлекательнее. То же и в совместных родах — они не должны ограничиваться присутствием папы в самый важный момент для семьи.

Если папа и мама нацелены на совместные роды, то для мамы практически ничего не меняется — от главной партии в этой постановке ей всё равно никуда не деться. А что же совместные роды означают для папы? Такой вопрос я впервые задал себе почти четыре года назад и задаю до сих пор…

Этап первый. Подготовка к родам

Жил — не тужил среднестатистический будущий папа лет этак до 20–30 и даже не подозревал, что такое роды. Любой папа возразит, что в общих чертах ему все известно (не зря же он столько телевизор смотрит, газеты и Интернет читает), что ничего в жизни он не боится и всё ему по плечу, да и сам через это проходил! И вот на горизонте жизни появляется пока ещё невнятная и отдалённая точка — предстоящие роды. Точка неминуемо приближается и становится понятно, что для папы практически ничего не понятно. Большую часть информации о родах он получает (если получает) от мамы, а вместе с ней все её опасения, переживания и страхи. Да с кем же ещё можно ими поделиться, как не со своей половинкой?! А половинка (папа), если сердце у него там, где должно быть, начинает переживать и волноваться ещё больше мамы. А как же иначе, если мама, которая должна с детства лучше всех разбираться во «всяких там женских вопросах», проявляет слабину, неуверенность и ищет поддержки? Бедные папы, как им непросто в этот период!

Но как помочь маме, а на самом деле и самому себе тоже? Заверения, что «всё будет хорошо», что «ты у меня умница», «ты со всем справишься», звучат серьезно, «по-мужски», но не от чистого сердца. Мама действительно с этим справится, и когда будет воспитывать ребенка — справится, и со всем остальным тоже. Сама. А папа будет стоять в сторонке. Всю жизнь…

Мама и папа — одно тело, а значит, и рожать им вместе! Даже если папа не будет присутствовать при самих родах, он должен во всем помогать маме и стараться понять, что она чувствует, что её тревожит и почему. А для этого необходима самая малость — интересоваться, участвовать, сопереживать осознанно и искренне. Сходите вместе на занятия в женскую консультацию, прочитайте книгу или статью о подготовке к родам. Папа, вам не интересно? А вы представьте, что это вам рожать! Скоро вы научитесь правильно дышать при схватках, делать обезболивающий массаж, будете знать, что брать с собой в роддом. От вас теперь будет польза! Правильным путём идёте, товарищи! И, скорее всего, такой путь приведёт вас прямиком в родзал.

Этап второй. День Д

Папы, копите свое терпение задолго до дня родов — оно вам ой как понадобится! Поймите, маме во время схваток (да и между ними) будет совсем не до вас. Но от вас ей нужна помощь, вся та помощь, которую вы ей можете оказать, а, пожалуй, и ещё больше. Этот день покажет, чему вы научились при подготовке к родам. Конечно, вы можете на врачей прикрикивать, создавая нервозную обстановку для всех окружающих, включая малыша, а можете по-настоящему помогать маме самыми простыми делами, например вместе дышать, массировать крестец, поглаживать голову, помочь сесть или встать. Скорее всего, мама будет не в том состоянии, чтобы о чем-то вас просить. Папа должен искать способ помочь, внимательно прислушиваться к маминому поведению и согласовывать с ним свои действия. Вот тут и пригодится вам всё накопленное терпение. А обижаться на маму даже и не смейте — поставьте себя на её место! Ведь и через физические муки родов мама спасается. Спасайтесь и вы через муки душевные.

Награда вот-вот появится на свет, и вы физически ощутите причастность к сотворенному чуду. Память об этом дне никогда не померкнет, и будет насыщать вашу новую полноценную семейную жизнь.

Но даже если папы нет в роддоме, он не бесполезен — он может искренне молиться Богу о здоровье малыша и мамы!

Этап третий. Новая жизнь.

Вот он, малыш! Я увидел его даже раньше, чем мама. Он такой крохотный и беззащитный, а его сразу понесли измерять и пеленать. Как я его отпущу одного?! Это же моя кровинушка, я его родил!

Не скажу, что второго ребенка, которого рожали вместе, я люблю больше, чем первого. По-моему, совместные роды не усиливают любовь папы к ребенку. Они усиливают любовь папы ко всей семье. Не просто усиливают, а скорее приоткрывают новые, до сих пор неизведанные, грани этой любви. Появляется настоящее чувство причастности. Это начало новой прекрасной жизни не только для родившегося малыша, но и для папы, который, присутствуя на родах, перерождается сам! Возможно, именно во время совместных родов папа и мама по-настоящему впервые становятся одним целым, а, ощутив себя целым, будут впредь стремиться к этому.

Как мужчина, я доказал, что мне это по-плечу, хотя такую цель не ставил. Мне было непросто и легко одновременно. Не просто от того, что видя муки жены, я не мог уберечь её от них или взять их на себя. Легко мне было от того, что я рожал любимого желанного ребёночка вместе с любимым человеком, своей половинкой.

Я счастлив, что этот день был в моей жизни и жалею, что не смог родить старшую дочку вместе. Папы, не упускайте свой шанс!

в родильном доме

ВПЕЧАТЛЕНИЯ МАМЫ

Небольшая предыстория. Почему вместе?После совместного посещения семинара по подготовке к родам мы с мужем опять всерьез задумались о партнерских родах. Первого ребёнка мы тоже готовились рожать вместе, но Богу было угодно, чтобы независимо от нашего желания всё сложилось иначе. Признаюсь, был тогда и предродовой такой момент, когда я была очень рада, что меня не видит муж. Мне казалось, что на него вылилось бы все моё раздражение на пике последних схваток…

Мы с мужем очень близки духовно, и за это время стали ещё ближе. Он — часть меня, он самый дорогой и близкий для меня человек на земле. Поэтому очень хотелось, чтобы и этот серьезный этап в наших отношениях и нашей жизни он прошел вместе со мной. Чтобы он не чувствовал свою беспомощность, находясь далеко, но ощутил свою нужность и значимость в этом событии. Я знала, что он мне может помочь не только физически. Его эмоциональная и психологическая поддержка всегда много для меня значила. Я была в нём уверена. А уверенность мужа всегда давала мне силы. Даже если он просто будет рядом, даже если за дверью, — не важно. Важно знать, что он ЗДЕСЬ! И ещё мне очень хотелось, чтобы он почувствовал то, что чувствовала я три года назад в родзале, когда родилась наша первая малышка…

Эти мысли убедили меня второй раз решиться на совместные роды.

Подготовка

Конечно, подготовка папы включает в себя не только просмотр тематического фильма об этом процессе. Это и посещение курсов для беременных пар по подготовке к родам, и чтение соответствующей литературы, и обсуждение всех этапов в родах, и совместная тренировка дыхания и различных видов массажа во время схваток. Мы продумали многие моменты, в том числе, как и с кем оставить нашу старшенькую доченьку (ведь мы рожали в другом городе) и то, что было для меня особенно важно: в родах Паша с пониманием отнесется к роли «груши для битья» (к слову сказать, это совершенно не понадобилось).

Мы молились, настраивались на то, что всё должно произойти по воле Божией, поэтому любой возможный вариант течения родов приняли со смирением. Ведь, чтобы в нашей жизни ни случилось, именно смирение и упование на Господа помогает принять происходящее, как происходящее для нас наилучшим образом.

Роды

Когда начались роды, муж был рядом. В предродовой он очень старательно делал мне обезболивающий массаж, ласково гладил по голове в перерыве между схватками, дышал вместе со мной, успокаивал, шутил, звал по моей просьбе медперсонал, который, кстати, оказался с чувством юмора и очень доброжелательный (говорят, что присутствие мужа в этом тоже помогает). Заранее мы договорились, что в родзал Паша тоже пойдет, так как по его словам, если уж идти, то до конца. Он держался очень уверенно.

Признаюсь, в родзале я больше слушала мужа, а не медиков. Его сильные руки сжимали мои плечи, чтобы я не приподнималась, а делала всё правильно, потому что слова акушерки до меня не доходили. Я была рада слышать его голос за своей спиной. Он был в тот момент моим тылом, моей уверенностью в собственных силах. Мы делали это необходимое и очень важное дело ВМЕСТЕ! Акушерка с врачом шутили: «Папа тужится, как будто сам рожает!»Но я это воспринимала не как шутку. В моем сознании это так и было…

Паша первым увидел нашу доченьку. Какое это было СЧАСТЬЕ! Я помню, как во время взвешивания, измерения роста и пеленания малышки муж был всё время рядом с акушеркой, снимал на камеру, фотографировал нашу крошку и всё комментировал. Помню, как акушерка, с умилением глядя на кряхтящий маленький сверточек, сказала:

— Але-е-енушка!

— Не Аленушка, а Серафи-и-имушка! — заботливо поправил папуля.

Я видела его радость от всего происходящего. Он взял доченьку на руки и поднес ко мне. Я была счастлива, любуясь ими: это то, о чём я мечтала! Нас троих сфотографировали и оставили наедине. Никогда не забуду эти счастливые два часа: звонки старшей доченьке и родителям, поздравления, сосущее под боком наше маленькое сокровище, обмен яркими впечатлениями и заявление мужа, что следующего ребёнка мы будем рожать теперь только вместе!..

После родов

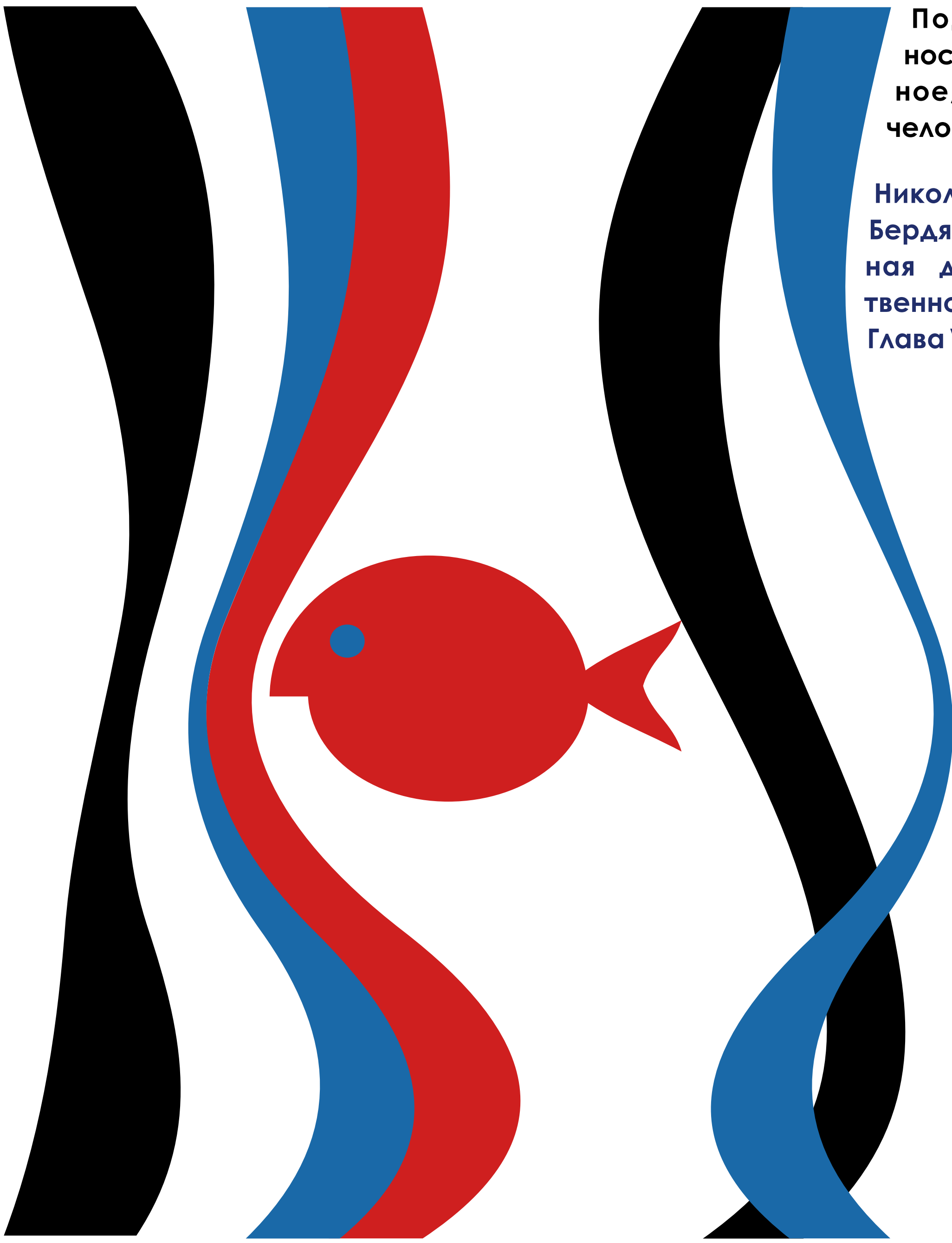
Плюс партнерских родов был ещё и в том, что в роддоме папа нас навещал. Я видела, как ему доставляет радость его активное участие в ухаживании за новорожденной дочкой. Эти роды сплотили нас ещё больше. И, кстати, в противовес популярному мнению об охлаждении мужа к жене после родов скажу, что я не испытываю недостатка в его внимании. А скорее наоборот.

Я знаю, что муж пошёл на этот шаг не только и не столько потому, что ему хотелось увидеть, как родиться наш ребёнок, но и для того, чтобы помочь мне, поддержать, разделить боль. И я ему очень благодарна за это. Это было для меня тогда важно, а теперь — очень дорого.

Пишу эти строки, а перед глазами — счастливый папа, держащий на руках нашу только что родившуюся дочку. Этот до слез трогательный момент нашей семейной жизни теперь навсегда останется в моей памяти...

В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО

Подлинная человечность есть богоподобное, божественное в человеке.

Николай Александрович Бердяев. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Глава VIII. ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

СВАБОДА, НЯРОЎНАСЦЬ І... АНЁЛКІ

кнігагляд Марыі Дуброўскай

(Fe)male?

**выбар гэта
не час і не месца
а нешта больш дробнае
кратнае майму існаванню
напрыклад — існаванне тваё.**

«калі б жыла ў годзе 1908»

Твой выбар: належыш да правых ці радыкальна левых, носіш чорныя валасы і доўгія крывава-змрочныя спадніцы ці карамельна-ліловыя пантофлікі на абцасах пад невыносна вузкія джынсы, ясі зялёную салату са свежымі таматамі ці аздоблены разнастайнымі спецыямі біфштэкс. Гэта твой выбар, але ты мусіш яго зрабіць, каб вызначыцца ў грамадстве, суполцы, сваім акружэнні, зрэшты ва ўласнай свядомасці. І тады давядзецца гуляцца выключна па правілах, абраных табою (свядома ці не).

Але ёсць сферы, дзе выбар робіць іншы, іншая, іншае. Ты вымушаны існаваць у межах матэматычнай задачы, умовы якой змяніць нельга. Так, ты нараджаешся жанчынай ці мужчынам. Незалежнага ад уласнага жадання маеш набор сацыяльных функцый, абмежаванняў, стэрэатыпаў, спадзяванняў, характэрных гендарнай прыналежнасці. І калі ты не згодны з рашэннем вышэйшай камісіі, адзінае выйсце — хірургічнае ўмяшанне. Нязгодных з сацыяльнымі стэрэатыпамі (у прыватнасці, з жаночага боку) ласкава запрашаем у клуб феміністак. Для тых, хто не збіраецца ўваходзіць у гэтае згуртаванне, вы ў лепшым выпадку станеце мужчынам у спадніцы.

“Прысак і пожня” “Метад муаравых крэсак” “Нягolены ранак” “Рэканструкцыя неба”

Вольга Гапеева

Пісьменніца Вольга Гапеева не носіць цвідавую мужчынскую тройку, не марыць стаць прэзідэнтам, ці займацца бодзібілдынгам. Яна нават не патрабуе называць яе паэтам (менавіта ў мужчынскім родзе), бо ведае, «паэтка» — выключна падкрэслівае яе гендарную прыналежнасць, а не якасць вершаў. Адзінае, што пацвердзіць феміністычную прыналежнасць творцы пры першым знаёмстве — працягнутая суразмоўцу пры вітанні рука.

Некаторыя прафесійныя і непрафесійныя чытачы адносяць творы Вольгі Гапеевай да феміністычнай літаратуры, а саму творцу — да феміністак. Пры гэтым не надта спрабуюць зразумець, як інтэрпрэтуе гэты тэрмін пісьменніца.

У мінулым годзе выйшла чарговая кніга вершаў Вольгі «Прысак і пожня», летась – выданне «Метад муаравых крэсак». 2008 год прынёс чытачам кнігу паэзіі «Няголены ранак», у 2003 годзе нарадзілася дэбютнае выданне аўтаркі «Рэканструкцыя неба».

Бярыце любую з кніг, шукайце і… (калі вы не спецыяліст у галіне гендарнай праблематыкі ў літаратуры) не знойдзіце праяў фемінізму. Вострая, часам балючая, рацыянальна-разважлівая і філалагічная паэзія паэткі, як новая экзатычная страва — пакаштаваў, разумееш, чаго мог быць пазбаўлены. Лепш шкадаваць пра тое, што зроблена.

Яе вершы часта нерыфмаваныя, але рытмічныя. Добра кладуцца на музыку, што даказаў аўдыяпраектам Улад Бубен. Жаночыя перажыванні, адчуванні ўзнікаюць на паперы халоднымі шэрагамі слоў, лінуюць аркуш на роўныя палігоны змаганняў жанчыны і мужчыны. Толькі вось бачыць перамогу ці паражэнне давядзецца выключна яе вачамі.

Вершы патрабуюць удумлівага і няспешнага чытача, здольнага корпацца ў словах, прабірацца скрозь зараснікі разнастайных моўных часоў. «Проста мова твая / не мела формаў у будучым часе / так я і засталася / у нейкім плюсквамперфекце» («Я цалую вецер з разбегу…»).

А пытанне феміністычнасці, якое раз-пораз усплывае ў СМІ побач з іменем пісьменніцы, палягае ў даследваннях Вольгі Гапеевай. Яна цікавіцца пытаннямі мовы, даследуе гендарную праблематыку ў культуры і літаратуры. «Адны мовы патрабуюць фемінізацыі, іншыя нейтралізацыі. Размова пра тое, што ў адных мовах лепш рабіць бачнай жанчыну і ўжываць суфіксы. Але зноў жа мы сутыкаемся з такой праблемай, як пэўная канатацыя суфіксаў. Напрыклад, калі вы кажаце «дырэктарка». Але ў беларускай мове гэта не так адчуваецца, як у рускай, мова доўгі час не выкарыстоўвала такія суфіксы. А руская мова больш заангажавана: докторша, директорша / директриса, критикесса”.

Вольга Гапеева вырашае лінгвістычныя пытанні і ў дачыненні да сябе. «Паэтка, крытыкеса, якія канатацыі выклікаюць у вашай свядомасці гэтыя словы? А які сэнс укладае ў іх ваш суразмоўца, урэшце вы самі?», — запытваецца Вольга. «Вельмі часта сустракаюцца літаратурныя зборнікі, а ў іх — адны мужчыны. Але ніхто не піша «Зборнік мужчынскай прозы», але калі ў кнізе адны жанчыны — так і называюць: «Жаночая проза». Адразу ўстае пытанне: літаратура — яна ўвогуле мужчынская? Бо жаночая літаратура вынесена ў асобную катэгорыю. І што гэта значыць? Што яна нейкая дэфектыўная?»

«мужнасьць — гэта тварам / да пасажыраў / сесьці / у поўным / тралейбусе / у 22.30 / і не забыцца / што невызначальным / можа быць / ня толькі артыкль». («у вагоне нумар 898»)

Паэзія Вольгі Гапеевай феміністычная не ў сэнсе змагання лірычнай гераіні за права стаць на месца мужчыны, а ў тым сэнсе, што гераіня не енчыць, укленчыўшы, не збірае слёзы ў слоік, не кансервуе крыўды, а назірае, вывучае, рашуча дзейнічае.

Вершы пісьменніцы занадта філасофскія для павярховага чытання, таму выбірайце вольны час, незанятае месца і настройвайцеся на блуканне ў лінгвістычных тэрмінах, складаных метафарах і дагэтуль неспазнаных цалкам пачуццях.

(Гапеева, В Літаратура мужчынскага роду // В. Гапеева. — ARCHE. — № 4. — 2007.).

(Гапеева, В Літаратура мужчынскага роду // В. Гапеева. — ARCHE. — № 4. — 2007.).

WoMan

**Мы не спраўдзімся ў дзецях.
Мы не спраўдзімся ў песнях.
Мы спраўдзімся толькі
ў каханні без слоў.**

«Поўня / Святло апошняга кахання»

Мужчына, жанчына… Які знак паставіць паміж гэтымі назоўнікамі: больш, менш ці роўна? Пакуль феміністкі старанна прымушаюць дзве рысачкі ўладкавацца паралельна, пісьменніца Галіна Багданава імкліва і без сумненняў сцірае неспраўджанае ўраўненне. І піша новую формулу шчасця жанчыны, мужчыны, чалавека.

Паводле аўтара, мужчына — дэміўрг, творца. Вышэйшае яго наканаванне — спраўдзіць пакліканне, зрабіць найлепшы, найцудоўнейшы твор мастацтва, пакінуць пасля сябе артэфакт, здольны перанесці таго, хто дакранаецца да твора ў эпоху майстра.

Місія жанчыны — нараджэнне і выхаванне дзяцей. «Тады я ўпершыню адчула, што жаночае цела, па-сутнасці, проста прыгожая пасудзіна, якая хавае ў сябе жывую мужчынскую плоць і можа вынасіць, нарадзіць дзіця». («Радэнава вакханка / Гліняны аскепак Парыжа»)

Нарадзіць новага мужчыну і вынайсці, стварыць яму неабходныя ўмовы для творчасці і такім чынам амаль здзейсніць уласную зямную місію. Гэта не рабства, не патуранне празмерным жаданням, а свядомы і непазбежны выбар жаночага шчасця. Шчасця ў тым, каб стаць жанчынай, той адзінай, якая не толькі ахоўвае, апякае, клапаціцца, а фактычна з'яўляецца пакуль не ўвасобленым мастацкім творам, музай, напамінам пра існуючую побач прыгажосць. Асноўныя мужчынскія вобразы Галіны Багданавай – скульптары, мастакі. Яны натхняюцца, наталяюцца цеплынёй, разуменнем, святлом, спакоем, што сыходзяць ад жанчыны, каб захаваць скарб у падуладным ім матэрыяле. А пасля закахацца ў невыносна прывабны вобраз, створаны ўласнаруч. І адрынуць тую, якая без ваганняў аддала найлепшыя душэўныя якасці мармуру, фарбам, дрэву ці каменю.

Галіна Багданава

Сакрамэнта: апавяданні, аповесці / Галіна Багданава. – Мінск: Медысонт, 2010. Бібліятэка Саюза беларускіх пісьменнікаў «Кнігарня пісьменніка».

«Потым, калі яго жанчыны прыходзілі да мяне высвятляць адносіны, я спрабавала растлумачыць ім, што Радэн ад іх вяртаецца да мяне не таму, што я яго трымаю, а таму што ён у кожнай з іх забірае душу, голас, цела і передае іх мармуру, гіпсу, бронзе». («Радэнава вакханка / Гліняны аскепак Парыжа»)

І адзіны сродак для жанчыны, якая хоча трымаць каханага як мага бліжэй да сябе, — знішчыць уласную мастацкую копію. Каб гора страты прымусіла мужчыну шукаць паратунак і спакой у арыгінале.

Лірычная гераіня пісьменніцы разважае над агульнымі жаночымі пытаннямі, у тым ліку і над Цветаеўскім: «Мой милый, что тебе я сделала?» І ў выніку знаходзіць адказ, парады, падказкі. Але ці прымае іх? «Мужчыны, цяпер я гэта пэўна ведаю, любяць, каб ім час ад часу рабілі масаж спіны вострымі абцасамі. Гэта іх бадзёрыць. А мне хочацца глядзець на майго мужчыну знізу ўверх, мяне раздражняе, калі моцныя людзі пачынаюць поўзаць, па-руску кажучы «пресмыкаться».» («Прыгожая прыйшла / Тры каханні Неферціці»)

Мужчынская сіла не нівелюецца жаночай адданасцю, дапамогай і спробай акружыць каханага творчым спакоем. Яна ўзводзіцца ў шэраг прыхаванай да патрэбнай пары зброі.

Яшчэ адна няроўнасць у «Сакрамэнта» — мовы. Родная і навязаная, кроўная і вымушаная. Кожны робіць выбар сам. А пасля, магчыма, пакутуе ад немажлівасці сказаць у аўтобусе: «Вы сыходзіце на наступным?» І сцісла прамаўляе: «Вы выходите?»

І тут нават не пытанне дыскрымінацыі роднага. Хутчэй асабістае нежаданне/няздольнасць зрабіць крок насустрач родным караням. Настолькі родным, што праз год-два, пяць-дзесяць яны прабіваюцца, каб маленькімі парасткамі з'явіцца на асфальце ўласнай чэрствасці. А ці дапамогуць ім, і хто гэта зробіць? — пытанні для кожнага.

Галіна Багданава закранае сацыяльную і маёмасную няроўнасць. Але неяк мімаходзь. Бо галоўныя каштоўнасці вынайшла і адкрыла яшчэ напачатку кнігі. «Ды і ў Сілуяна сказана: «Юнак шукае сабе нявесту, а дзяўчына жаніха. Гэта і ёсць зямное жыццё, Богам благаславёнае».» (Кветка адчаю / Сцяжынка да храма)

Экзальтаваная, эмацыйная і неверагодна светлая кніга Галіны Багданавай для тых, хто яшчэ не разупэўніўся ў моцы самага невытлумачальнага і чароўнага пачуцця — кахання. Для кожнага, хто гатовы ахвяраваць для кагосьці, а не дзеля чагосьці. Для тых, хто пакуль ўпэўнены, што Неферціці, Радэн, Гаўдзі гістарычныя асобы, назаўжды пахаваныя ў зжаўцелых манускрыптах (Вы маеце магчымасць развітацца з уласнымі памылковымі поглядамі і ўбачыць жывых людзей з іх адчуваннямі, імкненнямі, чаканнямі). «Сакрамэнта» — манускрыпт жыцця, выкладзены на 308 старонках. Прачытаўшы, вынайдзеш асабістую формулу шчасця. У мяне атрымаўся трохвугольнік, на вяршынях якога: Бог / Чалавек / Каханне.

«Толькі з гадамі Яна зразумела: галоўнае ў жыцці не тое, каб цябе слухалі, а тое, каб цябе чулі, каб хоць хто-небудзь, уражаны, зірнуў табе ў вочы і ў цябе самой стала сілы адказаць на той пагляд так, каб недзе высока-высока, у цёмнай нябеснай бездані, каб ад аднаго пагляду ў цёмнай нябеснай бездані нарадзілася новая зорка». («След Сапфо / Калядная імпрэсія»)

Арцём Кавалеўскі

...і Анёлкі

Мой сябра анёлак: **вершы для дзяцей мал. шк. узросту / Арцём Кавалеўскі; маст. Дар'я Чарняўская. — Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2010.**

«...мне здавалася, што анёлы — гэта такія напаўпразрыстыя, пухнатыя, рахманыя істоты, падобныя да аблокаў, якія лёгка лунаюць па-над зямлёю і зрэдку з'яўляюцца ў маіх фантастычных снах»

(«Мой сябра анёлак», 2010).

Як выхоўваць дзіця ў праваслаўі? Як тлумачыць рэлігійныя паняцці, падбіраць літаратуру для зусім маленькіх? Адразу ўзгадваецца адна кніга з цудоўнымі ілюстрацыямі — Біблія для маленькіх. І ўсё? Многім дзіцячым выданням рэлігійнага характару бракуе альбо зместу, альбо якасных ілюстрацый. Часам неблагія варыянты кніг прапануе серыя «Фома и Никита».

Вось як, напрыклад, распавядаць дзіцяці пра анёлаў? Казаць нешта незразумелае пра бесцялесных напаўпразрыстых істот? Дзіця наўрад ці задаволіць такі аповед.

Паэт Арцём Кавалеўскі прапануе іншае выйсце. У кнізе вершаў «Мой сябра анёлак» сабраныя розныя вобразы белакрылых істот. Яны нагадваюць дзяцей, такіх жа, як і ваш маленькі гадаванец: непаседлівых, разумных, паслухмяных і не вельмі. Апранутых у смешныя з футрам боцікі, ружовыя сандалікі, даўгія з карункамі сукенкі і звычайныя хлапчуковыя шорцікі. Яскравыя антрапаморфныя вобразы анёлкаў Арцёма Кавалеўскага дапамагае дакладна ўявіць мастачка Дар'я Чарняўская. З кнігай не ўзнікне праблемы задаволіць цікавасць маленькага. Ды і зразумець, ці побач анёлак, вельмі лёгка: «Калі вы шчыра радуецеся, усміхаецеся альбо зрабілі нешта добрае, калі вас пацалавала альбо паражагнала перад сном мама, ведайце — вас наведаў анёл».

Гэта не кананічная кніга. Але паспрабуйце зацікавіць дзіця жыццямі святых, прытчамі. Хвіліна ўвагі, а пасля мноства пытанняў, на якія прыйдзецца прыдумваць задавальняючыя адказы.

У дадзеным выпадку замест вас адкажуць вершы Арцёма Кавалеўскага. Дзе і як жывуць анёлкі, чым яны займаюцца, і, галоўнае, як пасябраваць з імі. Усё проста — запрашайце хаця б на гарбату.

Анёлкі нагадаюць вашых, суседскіх, знаёмых і выпадкова сустрэтых дзяцей. Яны не хочуць класціся спаць, любяць маляваць, носяць акуляры, вандруюць і наведваюць тых, хто пакуль не верыць у Бога. Хтосьці марыць, нехта грае на розных музычных інструментах, лётае на камеце.

Каб лягчэй было пакласці дзіця спаць, зачытайце калыханку-лічылку. А для рамантычных дарослых у канцы кнігі — прысвячэнне для ўсіх, хто кахае і каго кахаюць.

Што падарыць на Дзень анёла, Каляды, Ражаство, хрост ці папросту Дзень нараджэння? Кніга «Мой сябра анёлак» Арцёма Кавалеўскага — той выпадак, калі вера чалавека, яго ўзрост ці погляды першапачаткова не іграюць ролі. Аднак зручная тым, што здольная дапамагчы і маленькаму чытачу, і яго бацькам зрабіць першы крок да веры, калі дагэтуль ён яшчэ не зроблены.
У першую чаргу лепш парадаваць выданнем малодшых школьнікаў. Дапоўніць падарунак дыск Зміцера Вайцюшкевіча «Мой сябра анёлак», дзе вершы Арцёма Кавалеўскага пакладзеныя на музыку і выкананыя прафесійнымі беларускімі спевакамі.

«Як цяжка зразумець парадак / Зямных жыцця першаасноў, / Не разгадаўшы слоў-загадак – / Надзея, вера і любоў».

Марыя Дуброўская.

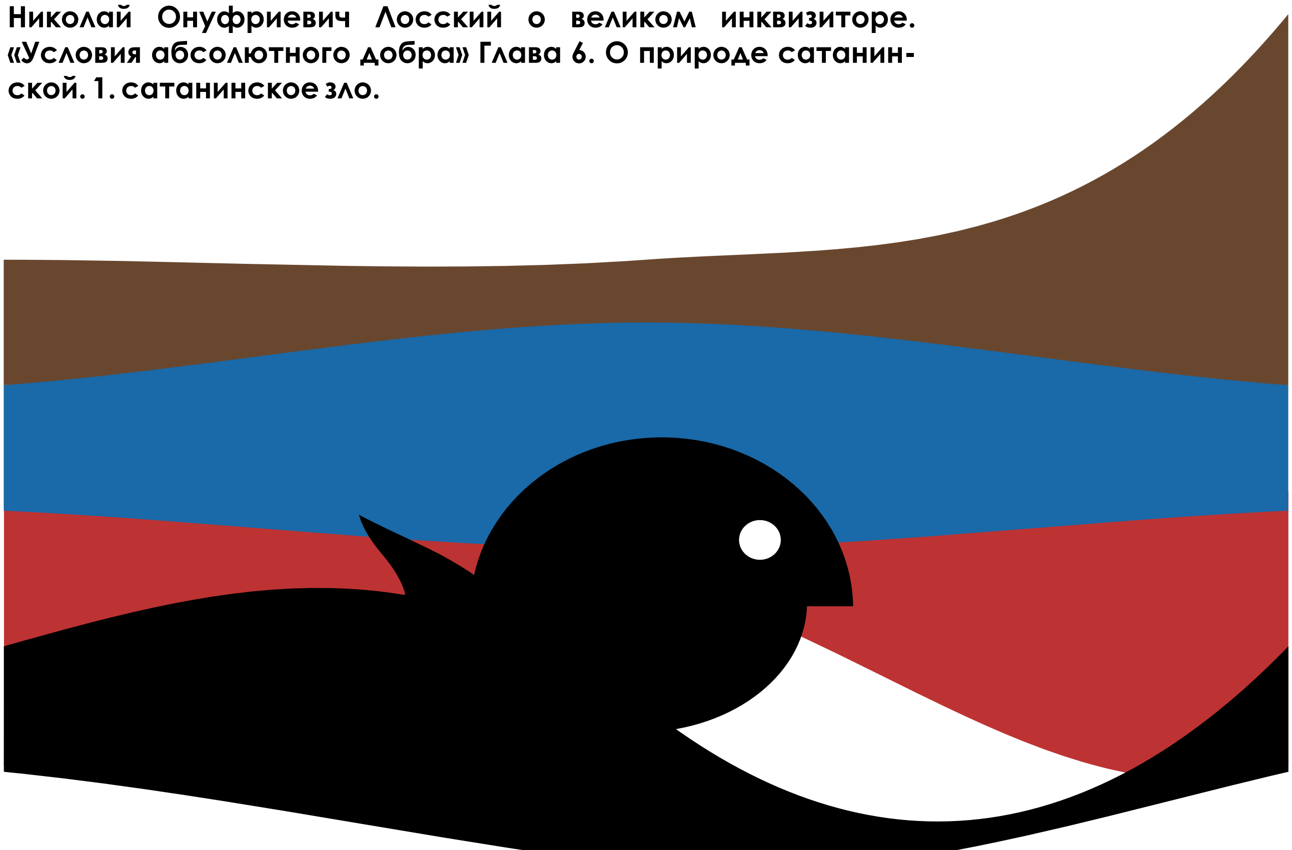
журналіст, рэдактор канала "Культура" Беларускага радыё

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Итак, перед нами великий гуманист, восставший против Бога, во имя любви к человеку, и решивший «исправить подвиг» Христа. Он не требует от человека величия духа, подъятия на себя креста Господня, свободного подвига. За то и обещает он человеку не бесконечное блаженство обладания абсолютным добром, а «тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы»

Николай Онуфриевич Лосский о великом инквизиторе. «Условия абсолютного добра» Глава 6. О природе сатанинской. 1. сатанинское зло.

ДМИТРИЙ ПАВЛЮКЕВИЧ

«СВОБОДЫ» И СВОБОДА

Промышленная революция упростила жизнь человека. Вещи, которые изготавливались раньше собственными руками ремесленника и продавались за баснословные деньги, благодаря конвейеру фабрик в один миг стали оцениваться в сущие копейки. Но у всякого массового производства есть и обратный процесс: потеря качества ради количества. Поэтому не всегда такое упрощение оборачивается благом — иногда оно граничит с опрощением.

Что, в общем-то, и произошло со словом «свобода». Ведь эпоха постмодерна добавила к индустриализации ещё и возможность штамповать моральные ценности. Свобода тоже теперь производится в промышленных масштабах. Включите телевизор — и увидите, что абсолютно всё, начиная от газировки и заканчивая женскими прокладками, по утверждению рекламы, дарит нам столь вожделенное ощущение свободы и независимости. Раньше за неё боролись, воевали, поднимали восстания, устраивали революции, умирали…, теперь же для этого достаточно иметь в кармане несколько долларов. Из самого дорого, что есть у человека, (пожалуй, только у человека и есть) она превратилась в обычный ширпотреб.

Впрочем, то же самое произошло с множеством других важных для человека слов: любовь, искусство, счастье и т.д. Слова-то, конечно, остались, а вот на место их прежнего смысла пришли низкопробные суррогаты. Вместо любви – секс, искусство заменила попса, а счастье — деньги.

У свободы, как мне кажется, есть несколько таких значений-заменителей. Или даже лучше «подменителей».

Свобода супермаркета

В одной из своих лекций по основному богословию отец Виктор Кулага заметил, что сегодня очень легко создать иллюзию свободы для целого общества. Для этого достаточно обеспечить широкий ассортимент макарон в магазине. Ведь что такое свобода? Это возможность широкого выбора. Вот приходит человек в супермаркет, видит перед собой пять видов макарон и уже счастлив от такой «безграничной свободы». Соответственно, если снизить выбор до двух видов, это уже будет возмутительным ущемлением его прав и свободы.

Конечно же, это касается не только макарон. Вот, например, те страны, которые предоставляют широкое право выбора собственного пола (гендера) как минимум из пяти вариантов (мужчина, женщина, гей, лесбиянка, транссексаул) признаются более свободными. А там, где выбор ограничен только двумя привычными «М» и «Ж», по мнению многих, процветает ужасная дискриминация.

Это своего рода принцип «свободы супермаркета», где чем больше выбора, тем больше свободы.

Вот только сама возможность выбора — это ещё далеко не свобода. Ведь не о всяком выборе можно сказать, что он был сделан без принуждения. Наркоман имеет возможность как колоться, так и не колоться. Но вряд ли мы согласимся с тем, что когда он в очередной раз всаживает себе в вену иглу, то делает это легко и непринужденно.

Свобода романтическая

Есть ещё одна популярная интерпретация свободы. Более элитарная, возвышенная, так сказать, утонченная. И поэтому многим симпатичная.

Это внутренняя свобода сопротивления, героическое плавание против течения. Это гордая, «мученическая» свобода Лермонтовских героев, которые готовы терпеть заточение, но оставаться непокорными, как один горный Мцыри, или же испытывать вечные страдания, но не унять своего бунта, как гордый Демон. Звучит очень романтично и поэтому очень привлекательно.

Таким образом, «романтическая свобода» — это свобода самоутверждения, свобода, не желающая знать пределов и ограничений, кем-то сверху спущенных понятий о хорошем и плохом. Это свобода, которая сама желает определять что хорошо, а что плохо.

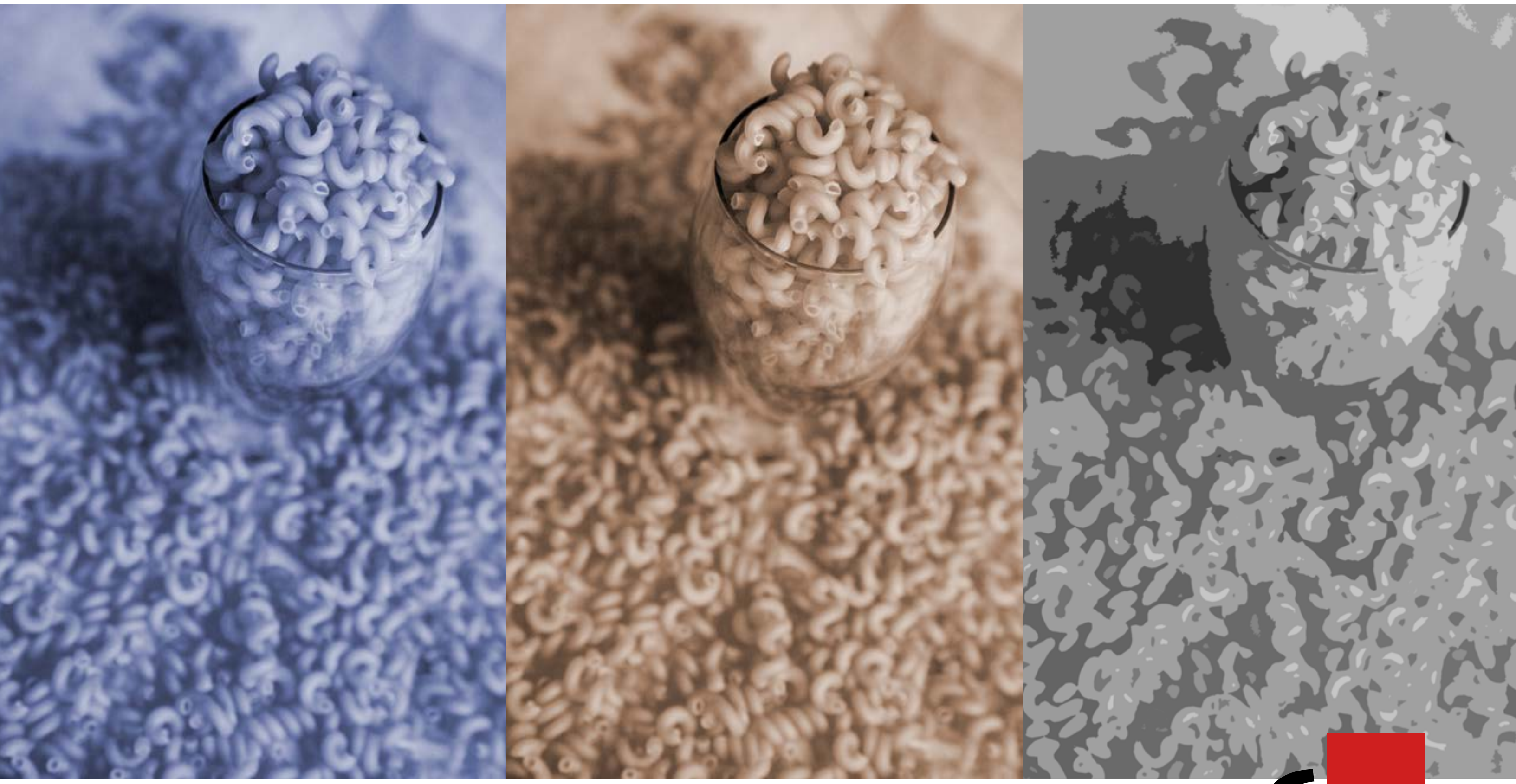
Однако если Лермонтов просто проиллюстрировал эту «свободу», то Достоевский глубоко её проанализировал, довел до логического конца и показал, что в сущности это никакая не свобода, а всего лишь очередная иллюзия, пускай и очень красивая. Вот, к примеру, один из его персонажей приходит в своих записках из подполья к выводу, что во всём белом свете человеку не нужно ничего, кроме «своего ни чем не ограниченного хотения». Но ужасным призраком-насмешкой за этой мыслью следует банальная очевидность, что существует некая «стена», которой, по большому счету, плевать на ваше собственное хотение и которую вы никак не сломаете. Всё, что вы можете — скрежетать на неё зубами от злости.

И такой стеной являются законы природы: человек по своей природе существо ограниченное. Опираясь только на самого себя, самоутверждая своё гордое «Я», человек не может оставаться свободным в силу очевидной ограниченности своей природы. Выходит, что это «лермонтовское» представление о свободе, как и всё романтическое, попросту разбивается о скалы реальности.

Свобода настоящая

Христианское понимание свободы и пути её достижения, надо сказать, звучит весьма парадоксально. Для того чтобы СТАТЬ СВОБОДНЫМ, христианство предлагает человеку СЕБЯ ОГРАНИЧИТЬ. Чтобы самому принимать решения, следует, в первую очередь, ОТКАЗАТЬСЯ ОТ САМОГО СЕБЯ.

На самом же деле, ничего парадоксального в этом нет. Это видимое противоречие исчезнет, если мы разберёмся, в каком из множества моих желаний присутствует моё подлинное «Я», а какие из них мне навязаны. Навязаны в данном

случае не столько другими людьми, сколько моим же телом, психикой, рассудком и т.д. И именно потому, что они исходят от какой-то части меня, их очень легко посчитать за свободные решения. Каждый пьяница абсолютно уверен, что напивается по собственной воле, однако же, делает он это под давлением собственного пристрастия. А значит, это большой вопрос, является ли такое решение свободным. Пожалуй, это самая страшная трагедия человека — его раздвоенность. О ней писал еще апостол Павел: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю <...> Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим.7:19,24)

Выходит, что самым страшным тираном для человека является сам он. И от этой тирании призывает избавиться христианство. В этом ключе христианское самоотречение является скорее самообретением.

Это и есть подлинная свобода.

Сущность этих типов понимания свободы, в общем-то, можно выразить значительно короче: в первом случае, человек желает плыть по течению своих желаний, не приемля никаких ограничений. Во втором, наоборот, он всячески старается плыть против течения. Но, если оставаться в рамках этой метафоры, подлинная свобода заключается в том, чтобы иметь возможность самому изменять течение реки. Как сказал однажды Михаил Жванецкий: «Не надо плыть ни по течению, ни против него. Надо плыть туда, куда тебе нужно».

ГАЛИНА КОХОВЕЦ

«ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ»

или Искусство распоряжения временем

В жизни важно уметь правильно использовать время. Отсутствие этого навыка постепенно делает человека безответственным, бессмысленно плывущим по течению, пассивным и безвольным. Люди склонны винить в своих неудачах кого угодно – от погоды до президента, но, быть может, иногда нужно всего лишь правильно обращаться с часами…

Пассивность и безволие не имеют ничего общего со смирением и послушанием. Наоборот, если вы не берете на себя ответственность за то, как и на что тратите своё время, неизбежно впадёте в уныние и утратите столько душевных сил, что всякая духовная практика, будь то посещение богослужения или молитвенное правило, становится пустой формальностью, не приносящей духовных плодов. «Тайм-Менеджмент» (или управление временем) надо рассматривать как «оружие» в борьбе с грехом уныния и, в конечном итоге, как одно из важных действий, направленных на «спасение души».

Существует три факта ВРЕМЕНИ:

1. ЖИЗНЬ дана человеку один раз.
2.ВРЕМЯ – это «материал», из которого «соткана» ЖИЗНЬ человека. Любой другой ресурс может теряться, восстанавливаться и приобретаться, но только не ВРЕМЯ. У взрослого человека его остается не так уж много, от 200 до 400 тыс. часов.
3.ВРЕМЯ и ПОСТУПКИ человека во времени НЕОБРАТИМЫ.

Можно все переосмыслить, покаяться и исповедаться, максимально исправить последствия. Но никто не может повернуть время вспять и сделать так, чтобы этого ПОСТУПКА вовсе «не было».

Осознание этих фактов невольно вводит человека в «священный» трепет. Становится понятно, что «управлять» ВРЕМЕНЕМ нельзя, можно только попытаться «организовать» своё, отведенное Богом, время жизни.

Так же, как мы можем «организовать» пространство комнаты, расставляя в ней мебель, мы можем «организовать» время, расставляя в нем дела и поступки. Для того чтобы сделать это правильно, человеку необходимо не только научиться технике распределения и экономии своего времени, но и обязательно подумать о ЦЕЛЯХ своей деятельности.

Без понимания ЦЕЛЕЙ невозможно определить ПРИОРИТЕТЫ: на что стоит тратить время, а на что нет, что необходимо сделать в первую очередь, а что может подождать. Поиск же ЦЕЛЕЙ и формулирование ПРИОРИТЕТОВ неотделим от вопроса ЦЕННОСТЕЙ. Ведь, чтобы понять «Что для меня важнее: то или это?», необходимо ответить на вопрос: «Что для меня важно вообще, в принципе?» Задумываясь о том, зачем нам нужно достижение тех или иных ЦЕЛЕЙ (результатов), мы сможем понять и осмыслить следующее: «ЗАЧЕМ и РАДИ ЧЕГО я живу в этом мире?»

Ответив себе на самый главный вопрос: «В чем СМЫСЛ МОЕЙ ЖИЗНИ?», человек действует осознанно и ответственно, поэтому ощущает прилив творческих сил и получает духовное удовлетворение от результатов своего труда. Этот механизм «самосовершенствования» Святые Отцы предлагали своим ученикам много веков назад – «ВНИМАЙ СЕБЕ» и «ПОМНИ О СМЕРТИ».

Практика управления временем условно имеет ТРИ УРОВНЯ:

«МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ» (почему нужно делать?) Здесь мы задаем себе вопросы:«Чего я хочу от себя и для себя в этой жизни? Что является для меня истинными ценностями? Ради чего я готов тратить свое время, силу и талант? Что может принести мне истинное счастье и душевное равновесие? Без чего я никак не смогу обойтись?»

Без понимания собственного СМЫСЛА ЖИЗНИ не стоит переходить к следующему этапу, так как постановка целей не будет иметь должного смыслового ориентира, а значит — вдохновения и сил на их исполнение.

«СТРАТЕГИЧЕСКИЙ» (что нужно делать?)
На этом уровне мы отвечаем на вопрос: «Какие ЦЕЛИ к исполнению я должен поставить перед собой для того, чтобы мой жизненный путь и поступки в нём соответствовали моему «СМЫСЛУ ЖИЗНИ» и делали бы меня «счастливым» (насколько это возможно) уже здесь, на земле. Другими словами, «Что я должен сделать, к чему стремиться?» Это — уровень мечтаний, осознания своих желаний, выбора ПРОЕКТОВ, постановки ЦЕЛЕЙ и обдумывания долгосрочных и краткосрочных планов.

«ТЕХНИЧЕСКИЙ» (как нужно делать?)
На этом уровне мы решаем вопрос: «Как наиболее эффективно и с меньшими затратами реализовать запланированное?»

Разделяем проекты (сложные дела) на мелкие действия, составляем графики их исполнения, планируем в ежедневнике конкретные дела на конкретное время (это, собственно, и есть «структурирование» времени, превращение «хаоса» в «порядок»). Далее контролируем сроки, анализируем удачи и ошибки, подводим итоги.

Итак, «с чего начнем?» После того, как мы «разобрались с собой» на первом уровне, переходим к «СТРАТЕГИЧЕСКОМУ» уровню. Для упрощения выполнения этой задачи в «ТМ» предлагается условно разделить свою жизнь на 4 «ключевые области»:

1.«РАБОТА»
2.«СЕМЬЯ»
3. «ЛИЧНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ»
4. «МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ»

Первое, что необходимо сделать, – это определить и соответственно «оборудовать» свое рабочее место. Именно здесь вы будете ежедневно заниматься «ТМ», причём желательно в одно и то же время. Для начала понадобится не менее двух часов в день, чтобы быстрее «запустить систему».

Во-вторых, необходимо завести отдельную папку по «ТМ», куда вы будете складывать все рабочие материалы. Далее нужно взять четыре больших листа и написать сверху на каждом соответственно:

«РАБОТА» — на этот лист вы будете выписывать все ДЕЛА, связанные с вашими служебными обязанностями, карьерным ростом, встречами по рабочим вопросам, командировками, корпоративными мероприятиями и прочее. Потом вы будете вычеркивать из списка уже сделанное и дописывать новые задачи по мере их поступления.

«СЕМЬЯ» — это список ваших семейных обязанностей по отношению к супруге(у), детям, родителям и

другим родственникам. Помощь по хозяйству или в учебе, общение, воспитание детей и игры с ними. Ещё визиты и телефонные звонки и, наконец, просто отдых с семьей, прогулки и развлечения. Каждому человеку необходимо понять, насколько для него значимы близкие люди, и поэтому нужно планировать общение с семьей на определенное время, как и всякое важное дело.

«ЛИЧНОЕ» — это дела, необходимые «лично мне»: достаточный сон, занятия спортом, своевременный прием пищи, общее оздоровление, ежегодный отпуск, выходные дни, отдых на природе, массаж, стоматолог, профосмотры, прививки и пр. А также забота о внешнем виде: одежда, парикмахер, личная гигиена и т.д.

Важно планировать и «самообразование» – различные обучающие курсы, чтение книг, семинары, развитие творческих способностей. Нужно выделять время на духовное развитие своей личности – молитву, посещение Богослужений, паломнические поездки, чтение духовной литературы. Возможно, на посещение театра, концертов классической музыки, народного творчества и пр.

Чаще всего человек жертвует этими делами в пользу дел по работе, и в итоге, не получая отдыха и положительных эмоций, настолько утрачивает душевные силы, что истощается морально и физически. В результате либо заболевает, либо впадает в уныние и с трудом выполняет даже простые и хорошо знакомые обязанности.

В таком состоянии «тревоги и уныния» проходит жизнь довольно большого числа людей, отсюда и поиски «забвения» от неудовлетворения собой в виде спиртного по вечерам «для снятия стресса». Уверяю вас, даже самый сложный день, увенчавшийся успешно и в срок выполненными делами, настолько расслабляет психику и даёт чувство удовлетворения собой и своей жизнью, что ни о каком «стрессе» и не вспомнишь — аппетит будет отличным и сон крепким.

«МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ»: здесь все просто — это дела, связанные с «обслуживанием» своего хозяйства. Все дела по дому: мелкий ремонт, оплата счетов, покупки и ведение семейного бюджета. Все вопросы, связанные с автомобилем, дачей, домашними животными и пр.

На эти 4 листа выпишите все ДЕЛА, которые вам необходимо выполнить в течение недели (под грифом «важные срочные») и в течение месяца («важные несрочные»). Когда перед Вами будут лежать списки всех ваших ДЕЛ в полном объеме, можно будет начинать «структурировать» свое время, то есть разумно его расходовать, как любой жизненный ресурс.

Как это делать? Во-первых, приобретите в магазине хороший ежедневник. Для начинающих лучше всего подойдет тот, в котором один день занимает целую страницу и разделен на часы. Не стоит экономить на ежедневнике, он должен нравиться хозяину и доставлять ему удовольствие от работы с ним.

Ещё Вам понадобится Еженедельник. Это когда на одной странице расположены 7 дней недели. Он поможет при долгосрочном планированииилучше «видеть» свободные участки времени, а также обозревать «одним взглядом» текущую неделю, что даст возможность «сфотографировать» в уме «картинку» недели и удерживать в памяти планируемые события.

Хорошо бы ещё иметь подобное годовое «наглядное пособие». Таковых нет пока в продаже, но его легко сделать самому. Расчертите обратную сторону любого плаката на 12 месяцев, а каждый месяц затем на 30 или 31 квадратик, проставив в них числа данного месяца. Вы потратите на это увлекательное дело час-полтора и будете на весь год обеспечены незаменимой подсказкой: «Ну-ка, посмотрим, что там у меня на август запланировано?» На годовом календаре удобно отметить все важные даты, праздники, дни рождения, поездки, командировки.

Кстати, изготовление годового календаря можно «зачислить» в «общение с детьми», если приобщить их к этому делу. Неплохо бы и детям иметь свои «календарики» и планы. Это сделает их более собранными и ответственными, даст ощущение столь желаемой ими самостоятельности. Ежедневник, еженедельники годовой календарь являются «инструментами», помогающими нам планировать своё время.

Теперь, имея всё необходимое, начинайте переносить дела из 4-х списков в ежедневник, начиная со «срочных» и «обязательных», планируя их на определенные дни и часы. Будьте внимательны, чтобы не пропустить какие-то важные события в жизни домочадцев, которые могут помешать вам выполнить планы. Например, «поход» жены к стоматологу может потребовать от вас помощи в присмотре за детьми и смешать все планы дня. В случае подобных «форс-мажоров» необходимо быстро среагировать, внеся коррекции в планы, и не впадать в панику, поскольку жизнь всегда полна «сюрпризов» и мы объективно не можем предусмотреть все внешние обстоятельства.

Когда все «срочные», «обязательные» и «регулярные» ДЕЛА будут перенесены в ежедневник, Вы их должны вычеркнуть из списков. Теперь посмотрите, какие ДЕЛА остались и какими свободными промежутками времени в ежедневнике вы располагаете. Планируйте остальные ДЕЛА индивидуально, по вашим приоритетам, возможностями имеющимся ресурсам. В конечном итоге все ДЕЛА из 4-х списков должны «перекочевать» в ежедневник, еженедельник или годовой календарь.

ДЕЛА «ближние» расписывайте на текущий месяц. ДЕЛА «дальние», например, «ремонт в ванной», запланированный вами на июнь, запишите каранда-

шом на 1-е число июня в годовом календаре и еженедельнике. Это для того, чтобы вы не забыли накануне начать планировать этот «ПРОЕКТ». Имея в виду дату окончания ремонта, вам будет легко определить, когда следует начинать и далее планировать все свои последующие промежуточные действия таким образом, чтобы успеть в срок.

Не следует при этом устраивать «авралы» и забывать о постоянно «повторяющихся», «важных» ДЕЛАХ и обязанностях во всех 4-х зонах жизни. Потому их нужно вносить в ежедневник в первую очередь.

Через некоторое время многое будет делаться на «автомате», а главное, пропадёт ощущение, что дела нарастают, как снежная лавина, и вот-вот накроют вас с головой. Как только вы увидите все свои ДЕЛА выписанными на бумаге, уйдет страх забыть или не успеть что-либо сделать, появиться ощущение контроля над своей жизнью — и вы ощутите прилив сил и вдохновения.

Заведите у себя дома и на работе, так называемую «КОРЗИНКУ». Эту роль может исполнить любой предмет (лоток для бумаг, ящик письменного стола, коробка из-под обуви, большая папка или действительно красивая плетеная корзинка). В неё вы будете складывать написанные на отдельных листиках бумаги пришедшие в голову неожиданные мысли, новые идеи, забытые мечты, чьи-то просьбы, поручения и другую информацию, которая будет поступать в течение дня. Не следует на них реагировать немедленно, отвлекаясь от запланированных дел. Разбор «КОРЗИНКИ» необходимо делать раз в два-три дня в то время, которое у вас будет отведено на занятие «ТМ». Разбирать бумаги нужно спокойно, не торопясь, сортируя, что «срочно» и «необходимо» сделать, а что можно отложить «на потом». То, что вообще «не стоит внимания», должно быть выброшено в мусорную корзину немедленно. Далее по знакомой схеме: «срочные» ДЕЛА запишите в ежедневник на время, а «несрочные» внесите в списки «долгосрочных» планов.

В «КОРЗИНКУ» также должна попадать вся дневная корреспонденция. Так ваша жизненная территория не будет «замусорена» информацией и «гуляющими бумагами». Ничего не будет теряться или оставаться без Вашего внимания.

Хорошо бы перебрать дома и на работе все свои «бумаги»: документы, книги, газеты, журналы, письма, открытки, фотографии, вырезки из газет. Безжалостно выбрасывайте то, что вам не нужно, или отдайте тем, кому может пригодиться. Если вы в чем-то сомневаетесь (надо или нет?) и вам нужно подумать об этом, воспользуйтесь «КОРЗИНКОЙ» как временной мерой.

Запомните, ненужные носители информации, наполняющие ваше жизненное пространство, являются невольными «поглотителями» вашего внимания и будут постоянно мешать сосредоточиться.

Что делать с бумагами, которые «нужны» или «могут понадобиться»? Их необходимо рассортировать и упорядочить для хранения в «АРХИВЕ». Далее заведите отдельные папки и подпишите их: «Документы», «Технические паспорта», «Автомобиль», «Фотографии», «Кулинарные рецепты», «Садоводство», «Детский архив» и прочее. В каждой семье будет свой перечень папок в «АРХИВЕ». Таким образом, вы в любое время быстро отыщете необходимый документ или информацию, значительно сэкономив при этом время и силы.

Рекомендуем папки хранить на отдельной полке в алфавитном порядке. С течением времени «АРХИВ» будет пополняться, и ваше информационное пространство будет свободным от «кочующих» бумаг. Совет для «особо ответственных» и «много заботливых»: научитесь и не бойтесь «ДЕЛЕГИРОВАТЬ» свои дела другим людям и исполнителям. Для того чтобы при этом «спать спокойно», заведите отдельный список «ОЖИДАЮЩИЕ ДЕЛА». Заносите в него все порученные дела, именаих исполнителей и сроки исполнения. Периодически просматривайте этот список и контролируйте, как идет выполнение данного вами поручения. Часто исполнителю требуется ваша помощь или подсказка, но он стесняется вам признаться в этом. Нередко люди банально забывают о просьбе или данном слове, не все же практикуют в своей жизни «ТМ»!

Учтите, что любая работа имеет тенденцию занимать всё время, которое на нее отведено. Если выполнение задачи не ограничено сроками, она способна «съесть» всё ваше время. Например, «уборка в гараже». Согласитесь, можно потратить на это весь день и ничего толком не сделать, но если сформулировать иначе: «уборка в гараже с 15.00 до 17.00», будьте уверены, что наведете вполне приемлемый порядок. Правило «ТМ»: «Всегда устанавливайте срок на выполнение задачи или работы». Если ошибетесь в оценке времени – не страшно, в следующий раз внесете коррективы.

Во время планирования дня в ежедневнике имейте ввиду, что на «ЖЁСТКИЕ» дела, то есть назначенные на определённое время (визит к врачу или договоренная заранее встреча) расписывать можно не более 60 % времени дня. Остальные 40 % оставлять в резерве на случай непредвиденных встреч, посетителей, телефонных разговоров. Если всё идет по плану, то этот резерв времени можно и должно использовать на «гибкие» дела — те, которые можно сделать в любое время (звонки, чтение, отдых, размышление, покупки, оплата счетов, работа с ежедневником и т.п.).

Следующее правило знают все, однако соблюдают редко: «Заниматься одним и тем же делом надо от 45 мин до 1,5 часа, не более». Затем нужно сделать перерыв 5- 10 минут, притом изменив «контекст»: выйти из помещения, посмотреть в окно, послушать музыку, выпить чай, то есть переключить внимание.

Если всё наше молодое поколение (наше будущее) воспитается на чужих “хлебах” (и идеях), то Родина для них станет чужая, и они ей тоже.

архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

Электронный ящик редакции: POKOLENIE-RED@TUT.BY

Подключайтесь к обсуждению номера в нашей группе “Вконтакте” vk.com/pokolenie_by.

“Поколение”

№ 1 (5) 2013

издаётся по благословению Высокопреосвященнейшего Артемия, архиепископа Гродненского и Волковысского

главный редактор:
иерей Антоний Семилет

выпускающий редактор:
Елена Бабич

редакционная коллегия:

Анастасия Авдей
Ольга Агапонова
Мария Дубровская
Дмитрий Павлюкевич

Компьютерная вёрстка:
Елена Бабич

Корректор:
Елена Лапковская

Фотокорреспондент:
Игорь Жданович

Все авторы статей номера:
Елена Бабич
Павел и Анна Буй
иерей Игорь Волошин
Мария Дубровская
иерей Святослав Евтушик
Галина Коховец
Дмитрий Павлюкевич
иерей Антоний Семилет

Журнал «Поколение» №5
Подписано в печать 15. 04. 2013.
Формат 60x84/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. лист. 8,84. Уч.-изд. лист. 20,11.
Тираж 299 экз. Заказ 2286у.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Гродненское областное унитарное полиграфическое предприятие
«Гродненская типография»

ЛИ № 02330/0552822 от 08. 04. 2009.
ЛП № 02330/0552745 от 25. 02. 2009.
Ул. Полиграфистов, 4, 230025, г. Гродно.